Р. Рубинштейн

ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ

Детгиз 1962

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Две великие реки Тигр и Евфрат текут с южных отрогов Кавказа к Персидскому заливу. Они окаймляют выжженную солнцем равнину — Месопотамию. Здесь мало городов и селений, во все стороны тянутся бесконечные пески.

И только многочисленные холмы, под которыми скрыты развалины древних крепостей, говорят о том, что некогда Месопотамия была цветущим краем и что здесь, в оживленных городах, кипела жизнь.

Самым большим и знаменитым из них был Бабили—«Врата бога». Впоследствии он стал столицей всей Месопотамии. Греки переделали «Бабили» в «Вавилон» и по имени столицы назвали всю страну Вавилонией.

Одним из могущественных царей Вавилона был Хаммурапи, который правил почти четыре тысячи лет назад. Он превратил свою столицу в великолепный город, обнес его высокой крепостной стеной, построил храмы и дворцы, прорыл канал, соединяющий Тигр и Евфрат.

Во время своего многолетнего царствования Хаммурапи завоевал почти все соседние страны и расширил границы своего государства.

Он прогнал эламского правителя из Ларсы и подчинил весь юг до самого моря (Персидского залива). Он усмирил соседей на западе и востоке и заключил союз с Зимлиримом, царем Мари. Пока Хаммурапи воевал на юге, Зимрилим охранял северные границы Вавилона.

Но, когда Хаммурапи подчинил юг и захватил на севере Ашшур, столицу Ассирии, он вероломно напал на Зимрилима и присоединил к Вавилону его владения.

В повести рассказывается о двух мальчиках, сыне купца Наби-Сине и маленьком рабе Залилуме. Они жили в Вавилоне во времена царя Хаммурапи. События, которые здесь описаны, происходили в тот период, когда Хаммурапи готовился к нападению на Мари, столицу Зимрилима.

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Рисунки О. Зотова

- ○
  - ○ ВО ДВОРЦЕ ЦАРЯ ХАММУРАПИ

- ЗАЛИЛУМ УБЕГАЕТ ИЗ ДОМУ НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ
- БОЛЕЗНЬ ОТЦА
- ПРОДАЛИ СЫНА
- В НЕВОЛЕ
- НАБИ-СИН ЕДЕТ С ОТЦОМ В МАРИ
- ПОБЕГ
- ВВЕРХ ПО РЕКЕ
- ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ
- ЗАБЛУДИЛСЯ
- В ПОХОД НА МАРИ
- ПИСЬМО

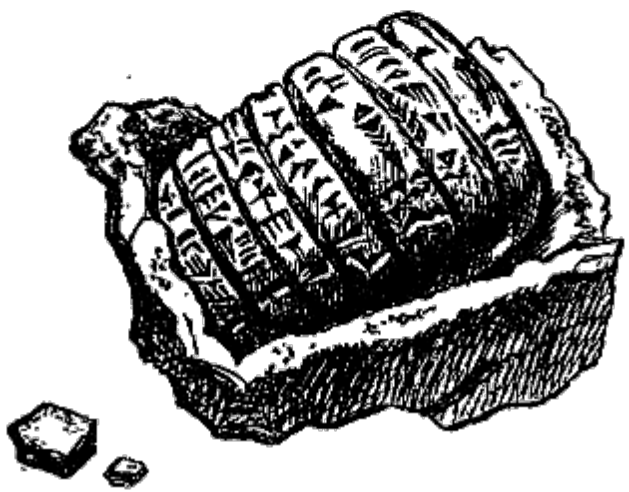
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Р. И. Рубинштейн

ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ



Париже, на набережной Сены, расположен старинный дворец французских королей — это знаменитый музей Лувр.

В одном из небольших нижних залов музея меж двух колонн стоит высокий столб из черного камня — базальта. Книзу столб слегка расширяется, а верх его украшен рельефом с изображением двух фигур. Справа сидит на троне вавилонский бог солнца Шамаш. На нем длинная одежда с поперечными складками, на голове высокая тиара, большая борода спускается на грудь. Перед ним стоит в почтительной позе царь Хаммурапи. На голове у царя круглая шапка; одежда из тяжелой ткани прямыми складками спускается до самых ступней, правое плечо открыто. Одна рука поднята вверх. Шамаш протягивает царю жезл и обруч — знаки царской власти. Это означает, что Шамаш сделал Хаммурапи царем и дал ему законы, согласно которым должны поступать подданные царя — «черноголовые», как называли жителей Вавилона. Поверхность столба, от рельефа до низа и вся оборотная сторона, покрыта клинописными знаками — здесь записаны 282 статьи свода законов царя Хаммурапи.

Три с половиной тысячи лет назад этот столб стоял около храма в вавилонском городе Сиппаре; он должен был прославить «Хаммурапи, славного и богобоязненного царя, который дал справедливость стране, чтобы погубить беззаконных и злых, чтобы сильный не притеснял слабого».

Спустя много лет после смерти Хаммурапи войско народа эламитян совершило набег на Вавилонское царство. Эламский царь приказал своим воинам захватить как трофей столб Хаммурапи и поставил его на площади перед дворцом в своей столице Сузах.

Эламскому царю не нужны были вавилонские законы. Он захватил этот памятник только для того, чтобы, глядя на него, люди думали, как велик и могуч царь, совершивший набег на Вавилон. Он хотел написать на нем свое имя и для этого велел соскоблить на столбе несколько строчек.

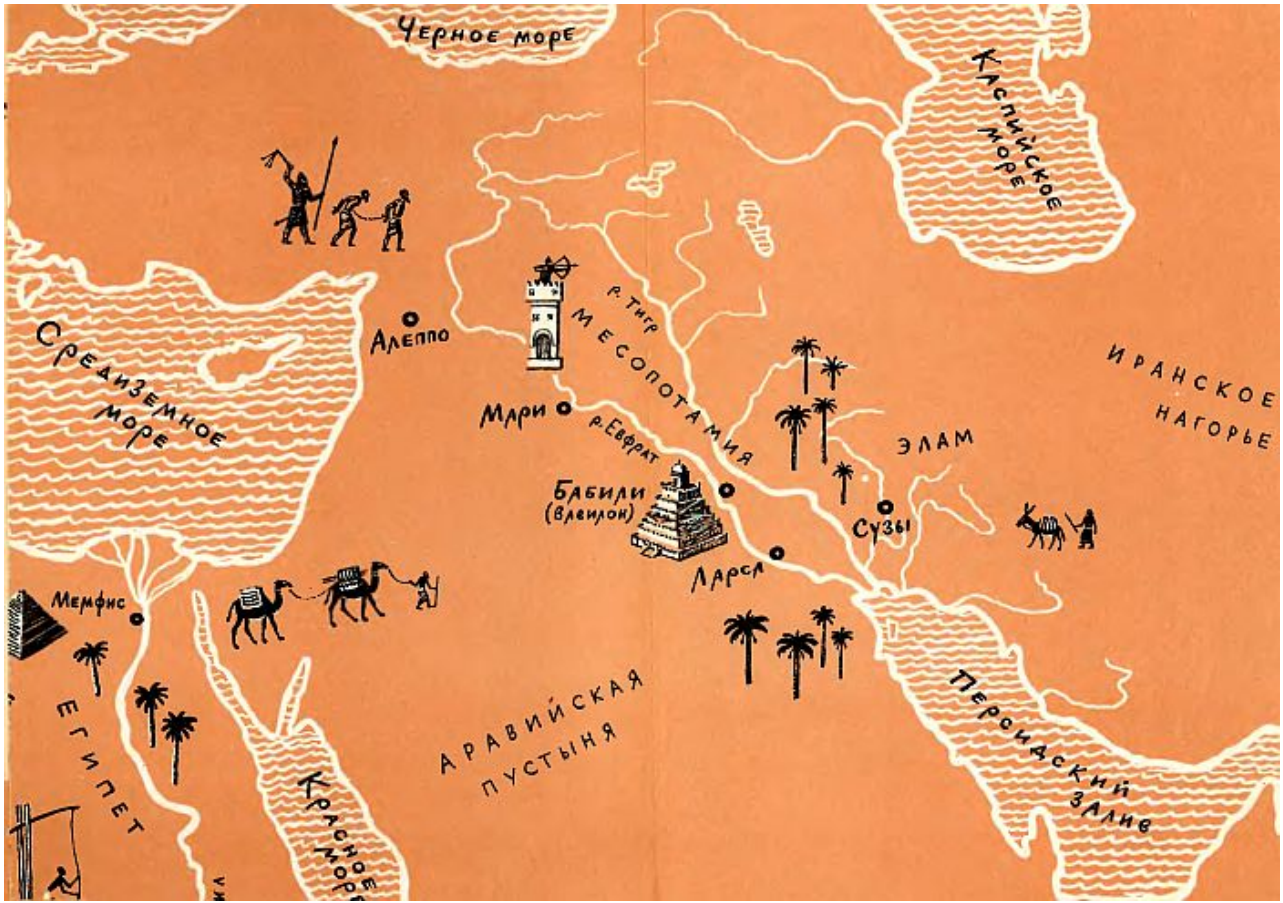
Мы не знаем, что случилось с эламским царем, что помешало ему, но имя осталось ненаписанным.

Так и нашли археологи этот базальтовый столб с

великолепно сохранившейся надписью, и только внизу стерто несколько статей законов Хаммурапи.

***

Давно исчезло Вавилонское государство, нет больше ни древних городов, ни царских дворцов и храмов. От них сохранились только развалины. Но памятники, которые находят в раскопках археологи, — письма Хаммурапи к правителям городов, переписка с царем Зимрилимом и многими другими людьми, хозяйственные отчеты и документы, судебные протоколы и, наконец, свод законов вавилонского царя, — рассказывают нам, как жили люди в древнем Вавилоне во времена царя Хаммурапи и действительно был ли он таким «справедливым» и «славным», как он сам говорит о себе.


Черное море
Каспийское море
Средиземное море
Алеппо
Р. Тигр
Месопотамия
Иранское нагорье
Мари
Р. Евфрат
Элам
Вавили
(Вавилон)
Сузы
Ларса
Мемфис
Египет
Аравийская пустыня
Красное море
Персидский залив

ВО ДВОРЦЕ ЦАРЯ ХАММУРАПИ

той! — закричал стражник и, опустив копье, преградил им дорогу юноше, подъехавшему верхом на осле

к воротам города Бабили.

— Как ты смеешь не пускать меня? Ведь я из свиты Ярим-Адду, посла царя Зимрилима. Разве ты не видишь, что на мне плащ из дорогой ткани и круглая шапка, которую носят только знатные люди? — высокомерно спросил юноша.

— Откуда я знаю, кто ты?! Ты мог ограбить посла на дороге и забрать его одежды... А может быть, ты пришел в нашу столицу со злым умыслом, тебя прислали враги царя Хаммурапи...

— Ты ответишь за свои подлые слова, негодяй! — вспылил юноша и, спрыгнув с осла, выхватил из-за пояса нож и замахнулся на стражника.

— Остановись, Манум! Не горячись! — И подошедший Ярим-Адду так сильно сжал руку юноши, что кинжал упал на землю.

К воротам города медленно приближались люди, сопровождавшие Ярим-Адду, посла из страны Мари. Сначала подъехали на ослах писцы и военачальники, за ними пешком следовали слуги и рабы, шествие замыкали воины, охранявшие Ярим-Адду и всю его многочисленную свиту.

— Достань письмо, где сказано, что нас посылает наш господин Зимрилим к царю Хаммурапи, и покажи его стражнику, — приказал Ярим-Адду старшему писцу.

Тот вынул глиняную табличку и подал воину.

На шум у ворот вышел начальник охраны, взял у стражника табличку и медленно начал читать, с трудом разбирая мелкие клинописные знаки, оттиснутые на глине.

— Пропусти их, — приказал начальник охраны, возвращая табличку Ярим-Адду, — они едут во дворец.

Стражник посторонился, и все сто человек во главе с Ярим-Адду медленно вошли в город.

— Вот видишь, как плохо ты поступил, — недовольно сказал Ярим-Адду юноше. — Ты один помчался вперед и чуть было не затеял драку со стражником!

— Мне хотелось поскорее увидеть столицу Хаммурапи, Бабили — «Врата бога». Я так много о ней слышал...

— Если бы ты убил вавилонского воина у ворот города, то вместо дворца попал бы в тюрьму и тогда уже ничего бы не увидел. Ни я, ни даже сам царь Зимрилим не смогли бы спасти тебя. Смотри, если будешь так горячиться, я отправлю тебя домой, в Мари.

— Больше это не повторится, — виновато отвечал Манум.

Путешественники выехали на широкую прямую дорогу, вымощенную большими плитами из светлого камня. По обеим сторонам стояли гладкие высокие стены, за ними были двухэтажные дома с плоскими кровлями, в которых жили

дворцовые чиновники и приближенные царя. «Дорога процессий» — так называлась главная улица — казалась длинным коридором, сверкавшим на солнце белизной своих стен.

Вдали, в розоватой дымке восходящего солнца, видна была зубчатая каменная ограда, поднимавшаяся над ней верхняя часть дворца и храма, а над ними высоко в небо устремлялась семиэтажная башня — зиккурат.

Манум остановился на мгновение, пораженный открывшимся видом, и затем погнал своего осла. Ему хотелось поскорее попасть во дворец.

— Ты опять торопишься? — окликнул его Ярим-Адду.— Снова хочешь затеять драку со стражником около дворца?..

Манум недовольно нахмурился, но все же придержал осла и послушно поехал рядом с Ярим-Адду.

Дорога процессий окончилась, и путешественники очутились в самом сердце столицы, где, отгороженные глухой стеной из сырцового кирпича, высились дворец и храм — жилище царя Хаммурапи и бога Мардука.

— Посмотри, — сказал Ярим-Адду, указав на величественное здание. — Это знаменитый храм Э-Сагила с башней-зиккуратом Этеменанки — «Домом основания неба и земли».

И действительно, башня поражала своей величиной. Она сверкала всеми цветами радуги, ее этажи были окрашены в семь различных цветов. Казалось, она уходила ввысь, в небеса. Манум слыхал, что в самой верхней башне стояли статуя бога Мардука из чистого золота и золотой трон, украшенный серебром. Туда поднимались один раз в год во время праздника «загмук», когда справляли свадьбу бога Мардука.

«Хорошо бы посмотреть на это торжество! — подумал Манум, остановившись у подножия зиккурата. — Но праздник будет еще не скоро — весной, в день Нового года. И к тому же мне туда не попасть. Вероятно, здесь, как и в моем родном Мари, в святая святых храма имеют доступ только царь и главный жрец».

Ярим-Адду со свитой уже направлялся по узкому мостику к воротам через канал Мардука. Манум без труда догнал их.

Не один раз приходилось Мануму бывать во дворце в Мари, славившемся своим богатством. Многие люди приезжали из далеких стран — Угарита и Алеппо, Ассирии и Эмутбала — только для того, чтобы полюбоваться великолепием дворца Зимрилима. Поэтому юноша не был поражен ни размерами дворца Хаммурапи, ни строгими формами его построек.

Ярим-Адду со своими людьми прошел через ворота во двор и остановился возле охраны. Навстречу им вышел управитель дворца — он встречал гостей.

Обменявшись приветствием с Ярим-Адду, управитель дворца сообщил, что великий Хаммурапи вчера был предупрежден об их приезде.

— Хаммурапи, господин мой, еще не вставал. Он будет рад видеть тебя, Ярим-Адду, днем, после того как закончит свои обычные занятия. А пока слуга проводит тебя и твоих людей в покои, где вы сможете отдохнуть с дороги. Ведь путь от Мари до Бабили велик, и много дней вы находились под открытым небом.

Ярим-Адду отвели две комнаты, где стояли удобные стулья, широкий стол, длинные лари, куда можно было складывать вещи, и скамья, служившая постелью. На полу были разостланы циновки. Такими же циновками, но расписанными яркими узорами, были завешаны белые стены. Дневной свет проникал через узкие проемы окон, помещенных на северной стене пол самым потолком, поэтому в комнатах было прохладно и приятный полумрак давал отдых глазам, уставшим от ослепительно яркого солнца. Воины и писцы разместились рядом, в других комнатах без окон. В них было просторно и прохладно, на полу были постланы циновки.

— Манум будет жить со мной, он может понадобиться мне в любое время.

Правитель приказал внести еще одну постель, в покои посла.

Прежде всего Ярим-Адду и Манум отправились в комнату для омовений. Затем, освеженные купаньем, они позавтракали вареными овощами, чечевичной кашей, сильно приправленной чесноком, рыбой и сушеными финиками, запивая все это прохладным пивом — сикерой. Наконец после завтрака оба улеглись отдыхать.

В правой части дворца, вокруг открытого дворика, расположены были жилые комнаты повелителя и его семьи. В тени, падающей от высоких стен двухэтажного дома, стояли удобные скамейки: царь любил сидеть на них рано утром и обдумывать все, что предстояло ему сделать днем.

Пока здесь властвовала полная тишина, никто не выходил из царских покоев. Только слуги и рабы уже давно поднялись, и во втором дворе, куда можно было проникнуть через узкий коридор, пылал очаг, в котле кипела вода и был приготовлен большой вертел, на нем поджаривали барашка, которого слуга закалывал тут же. Две рабыни, обливаясь потом, растирали зерна между двумя плоскими камнями. Для царского стола присылалась отборная пшеница, из которой получалась мелкая душистая мука. Уже раскалена была глиняная печь, на стенках которой пеклись румяные лепешки.

Все знали, что господин не любит долго спать и с раннего

утра, пока прохладно, принимается за работу. До полудня все дела должны быть окончены: необходимо разобрать жалобы, познакомиться с донесениями, ответить на письма, послать приказы наместникам в другие города. Надо освободить время после дневного отдыха, чтобы спокойно принимать посетителей. Много их приходит во дворец: кто жалуется на несправедливость чиновников, кто на неправильный суд, кто просит помощи или защиты. Во всем надо разобраться. Дорога Хаммурапи слава милостивого царя.

А когда прибывают чужеземные послы, их принимают в большом зале. Там полы устланы коврами, на стенах узорчатые циновки. В глубине зала на троне восседает сам владыка, за ним стоят рабы и обмахивают его веерами. Вдоль стен тянутся длинные глиняные скамейки, покрытые тканями. Когда Хаммурапи находится в зале, никто не сидит на этих скамьях. И приезжие гости и знатные придворные должны стоять в его присутствии. Но если великий господин устраивает званый обед, то гостей вводят в другую комнату. Там расставлена парадная мебель — легкие плетеные кресла из тростника, скамьи с подлокотниками, на которые так удобно опираться, столы с резными ножками. Слуги обносят гостей сикерой, вкусными жирными блюдами, сластями. И тут Хаммурапи любит показать себя радушным, гостеприимным хозяином, который не скупится на угощения. Пусть все знают, как он богат. Ничего не жалеет Хаммурапи для дорогих гостей. Правда, не все гости одинаково ему приятны и желанны. Но он неизменно ласково и дружески разговаривает с каждым. А о чем он при этом думает, об этом известно только ему одному.

Солнце взошло. Хаммурапи вышел из своей опочивальни на галерею, которая шла вокруг всего двора на высоте второго этажа. Он только что встал, искупался в ванне. Придворный цирюльник чисто выбрил ему усы, расчесал пышную бороду и курчавые волосы. Гардеробщик уже стоял, дожидаясь своей очереди. Он надел на великого господина тонкую открытую рубашку с короткими рукавами, ловко обернул стан в длинный прямой кусок ткани, затканный пестрым узором; правое плечо осталось открытым, с левого спускалась на руку пушистая бахрома. Наконец Хаммурапи подали круглую шапку, без которой он никогда не выходил из дому, — она защищала голову от палящего солнца, и туалет был закончен. «Царь четырех стран света» медленно спустился по узкой лестнице во дворик. До начала занятий осталось около часа. Можно посидеть на скамейке во дворе. Хорошо в тишине утра обдумать все, что предстоит сделать за день. Сегодня Хаммурапи должен отправить гонца с

письмом к царю Зимрилиму в Мари. Гонец поедет с секретным поручением, о котором никто не должен знать, даже чиновники. Только он и Тарибу — военачальник, которого Хаммурапи отправляет под видом простого посыльного. Главное, надо так составить письмо, чтобы никто не догадался, что оно только предлог, и чтобы Зимрилим поверил, что из-за него Хаммурапи отправил нарочного в Мари.

Писцы постепенно собирались. Из открытой двери в канцелярию доносились голоса. Хаммурапи поднялся со скамейки и вошел в комнату. Сразу наступила тишина. Авиль-Нинурта, царский секретарь, разложил на столике глиняные таблички. Тут были письма, донесения, жалобы — Авиль-Нинурта все разложил по порядку.

— Ну, какие у нас сегодня дела? — обратился Хаммурапи к секретарю.

— Из Дильбата[1] пишут, что корабли не были готовы в срок, поэтому твои купцы не выехали, что делать?

Хаммурапи нахмурился.

— Напиши, — обратился он к писцу Улли, — через неделю все должно быть готово. Если не справятся, будут отвечать за неотправленные товары. Дальше...

— Два воина, Лалум и Авиль-Илим, пишут, что в канаве Угдимша спала вода и не доходит до их поля.

— Пиши, пусть расследуют это дело, и, если вода правда не достигает их поля, вели устроить там, в устье канала, водоподъемное сооружение.

— И дальше, — читает Авиль-Нинурта, — царские пастухи жалуются: им прислали слишком мало людей для стрижки овец, они не успеют вовремя доставить шерсть во дворец. Засорился канал Думанум, и поля не орошаются...

Уже целый час докладывает секретарь, читая таблички, и еще много их дожидается своей очереди.

Хаммурапи внимательно слушает и тут же решает все дела. Но вот наконец все рассмотрено, ответы на главные письма продиктованы, менее важные отложены в сторону, а жалобы на чиновников, бравших взятки, Хаммурапи приказал проверить и наказать виновных.

— Ну, на сегодня все!

— Теперь пойдешь отдыхать, господин? — спросил Авиль-Нинурта.

— Нет еще. Утром приехал посол от Зимрилима, надо его повидать. Вели позвать ко мне, да не всех, а только одного Ярим-Адду.

— Отвести его в приемный зал?

— Нет, слишком много чести! Приведи его сюда. Авиль-Нинурта вышел и вскоре вернулся в сопровождении Ярим-Адду.

— Привет тебе, царь великий, владыка четырех стран света, могучий воитель, покоривший все земли! Твой брат Зимрилим шлет брату своему Хаммурапи привет и призывает благословение богов на твою голову. День и ночь молит Зимрилим своих богов о твоем здоровье и благополучии!.. — Всю эту длинную тираду Ярим-Адду произносит, склонившись в почтительном поклоне перед Хаммурапи.

— Что еще просил сказать мне брат мой Зимрилим?

— Брат твой просил сказать еще, что на севере племена субарейцев опять начали совершать набеги на Мари, неспокойно на востоке в Эмутбале, а в Эшнуне не признают его власти. Если купцы Эшнуны признают тебя, то правь ими, как ты хочешь.

— Так, — усмехнулся Хаммурапи. — Что делать с Эшнуной, я и сам знаю. Мне не нужны советы. Дальше...

— Брат твой Зимрилим опасается, что он не сможет один охранять свои северные границы. Он просит брата своего Хаммурапи прислать ему два отряда вооруженных людей, и тогда никто не сумеет устоять против Зимрилима...

— Хорошо, подумаем. Когда приму решение, тогда вызову тебя опять. — И Хаммурапи легким кивком головы дает понять, что разговор с послом окончен.

Ярим-Адду снова низко поклонился и вышел из комнаты, пятясь, чтобы не повернуться к царю спиной.

Авиль-Нинурта проводил Ярим-Адду и, вернувшись, с удивлением спросил:

— Ты пошлешь Зимрилиму свое войско?

— Обещать все можно... — Хаммурапи многозначительно замолчал.

Авиль-Нинурта понимающе улыбнулся. Только совсем недавно окончилась война с Римсином, наконец-то, на тридцать первом году правления, Хаммурапи освободил Ларсу от эламитян и присоединил к Вавилонскому царству весь юг. Теперь «царь четырех стран света» собирался усмирить Эшнуну. Посол Зимрилима правильно угадал. Не время сейчас посылать свое войско в Мари.

Хаммурапи встал и несколько раз прошелся по комнате.

— К Ярим-Адду приставь верного человека, — снова обратился он к своему секретарю, — пусть смотрит за ним, следит за каждым шагом: куда ходит, с кем разговаривает, не посылает ли гонца в Мари. Да только надо быть очень осторожным: Ярим-Адду не должен ничего знать. Плохо будет, если он что-нибудь заподозрит. Понял?

— Все будет сделано, господин мой! Может быть, подкупить кого-нибудь из его свиты, чтоб доносил на Ярим-Адду?

— Опасно. Подкупленному верить нельзя. Будет служить и нам и Зимрилиму. Своего человека надо найти — достаточно слуг у нас во дворце. А теперь позови Улли.

— Приготовь получше табличку, — обратился Хаммурапи к писцу, — будем писать письмо в Мари царю Зимрилиму.

Улли достал комочек влажной глины и, старательно разминая его, придал ему форму четырехугольной таблички. Затем он взял новую тоненькую палочку четырехгранной формы и приготовился писать. Хаммурапи сидел, погруженный s раздумья. Потом он встал, молча прошелся несколько раз по комнате и, остановившись около Улли, продиктовал:

— «Зимрилиму скажи: так говорит Хаммурапи. Я получил твое письмо. Ты пишешь, что на границах у тебя неспокойно и тебе нужны воины, чтобы отражать набеги из Эмутбала, ты просишь у меня людей на помощь. Я пошлю тебе отряд моих воинов. Только дорога от Бабили до Мари очень длинная, и воины не скоро прибудут к тебе. И еще я сообщаю тебе, что приедет к тебе человек из Элама. Я пишу тебе об этом, чтобы ты знал заранее о его приезде. И пусть мой слуга ожидает его у тебя в доме, и потом они вместе поедут дальше». Все, — сказал Хаммурапи. — А теперь пошли за Тарйбу. Он отвезет письмо

Зимрилиму.

— Как? Военачальник Тарибу повезет письмо как простой гонец? — удивился Улли.

— Не простой гонец, а царский посланник, — поправил его Хаммурапи. — А лучше помолчи, не спрашивай, если тебе не говорят. Делай что приказано. — С этими словами великий господин удалился в соседнюю комнату, куда без его вызова никто не смел входить.

Улли покачал головой. Это письмо к Зимрилиму — не простое дело. Хаммурапи что-то задумал. Но лучше молчать об этом, раз он сам не хочет ничего говорить.

Вскоре явился Тарибу и прошел прямо к царю. Вместе с ним вошел Улли и подал Хаммурапи готовое письмо на глиняной табличке.

Хаммурапи взял письмо.

— А теперь ступай. — И Хаммурапи повелительным жестом указал писцу на дверь.

— Слушай, поговорить надо, — обратился царь к Тарибу, когда они остались одни. — Вот тебе письмо, отдай его Зимрилиму. Скажи ему, что брат его Хаммурапи день и ночь думает о его благополучии и молит об этом богов. Скажи, что я сам к нему собираюсь в гости, да вот всё дела задерживают. Но скоро к нему приедет человек из Элама, я пишу об этом. Пусть он окажет ему ласковый прием, покажет дворец и столицу. Это ты скажи Зимрилиму. А сам живи в посольском доме и жди. Тебе придется сопровождать гостя домой.

— И только? Это все, что я должен сделать? — удивился военачальник.

— Все, да не совсем. Главный разговор впереди. Эламитянин без тебя найдет дорогу сюда. Тебе же нужен предлог, чтоб подольше остаться в Мари. Пока будешь жить там, высмотри все, свяжись с нашими людьми, которые там тайно находятся, собери у них сведения, сам всюду побывай.

— Понимаю. Главное — надо узнать о войске Зимрилима, где расположено, сколько воинов. Да еще выяснить, какие связи у Зимрилима с другими царями.

— У тебя хорошая голова, Тарибу, сразу понял. Потому и посылаю тебя. Когда о чем-нибудь узнаешь, не записывай. Все в памяти держи. Не оставляй следов. И наших писцов в это дело не посвящай. Шамайя живет у Зимрилима во дворце, в посольском доме. Он тебя с людьми сведет. Больше никому не верь.

— Все ясно. А зачем все это? Неужели поход?

— Именно так. С Римсином в Ларсе покончили, весь юг до

моря в наших руках. Надо теперь север закреплять. Хватит Зимрилиму царствовать. Уж слишком он зазнался, думает, так силен, что никто его не одолеет. И будто столица у него не хуже Бабили и дворец лучше нашего. Ездил его смотреть царевич из страны Угарит. Слыхал я, теперь Шаррия из Расама собирается... Но не в этом дело. Главное то, что нам нужно расширять наши границы на севере, — мы Ассур разгромили, теперь очередь за Мари. Все четыре страны света будут в наших руках. Вот почему тебя посылаю как гонца. Далеко вперед смотреть нужно.

— Все будет сделано, мой господин. Когда ехать? Кто будет меня сопровождать?

— Собирайся поскорее. Завтра на рассвете отправляйся в дорогу. С собой возьми охрану да еще человек пять. Много не нужно. Ты едешь не как посол, а как царский гонец.

— Все будет так, как ты приказываешь.

Тарибу взял письмо, низко поклонился царю и вышел из комнаты.

— Да хранит тебя Мардук и богиня Иштар, — вслед ему произнес Хаммурапи.

Оставшись один, Хаммурапи встал, прошелся по комнате несколько раз, остановился около порога и позвал Авиль-Нинурту.

Секретарь тихо вошел.

— Какие дела еще у нас остались?

— Письмо из Дильбата; сестра жалуется, что брат выгнал ее из дома.

— Это завтра.

— Пришли вести из Алеппо. Скоро приедут послы оттуда.

— Как только прибудут, веди их ко мне.

— Еще ты хотел посетить суд...

А что там?

— Хозяин привел беглого раба, который объявил себя свободным. Свидетели показали, что это раб, и судьи постановили отрезать ему ухо.

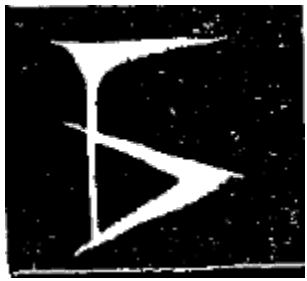
— Правильно. Так в законах записано.

— Еще разбирали дело жрицы: она хотела два раза получить деньги за аренду земли. Судьи разобрали документы и велели жрице уплатить штраф.

— Об остальных делах доложишь вечером. Я устал.

С этими словами Хаммурапи вышел из комнаты и, пройдя через открытый двор, направился в свои покои.

ЗАЛИЛУМ УБЕГАЕТ ИЗ ДОМУ НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

 ывают иногда такие несчастливые дни, когда все не ладится; что ни делаешь, все получается плохо. Залил уму не везло с самого утра. Отец его, бедный крестьянин Убар-Шамаш, собрался в город. Наступало время посева, приходилось идти к купцу Белидинаму просить в долг ячмень, иначе поле останется незасеянным. Весь хлеб, что собрали в прошлом году, давно уже съеден. Залилум надеялся, что отец возьмет его с собой. Мальчик редко бывал в городе, и ему очень хотелось поглядеть на длинные улицы, двухэтажные дома, храм с семиэтажной башней. Пожалуй, интереснее всего потолкаться на базарной площади, где можно увидеть много разных вещей и купцов, приезжающих из далеких стран. Один раз отец взял на базар Залилума, и до сих пор мальчик вспоминает этот день. Особенно поразил его черный как сажа кудрявый негр, которого привезли с собой египетские купцы. Они торговали слоновой костью, золотыми украшениями, фаянсовыми флаконами с душистым маслом и тонкими белыми тканями из льна. А перед тем как отправиться домой, Залилум с отцом зашел в харчевню и ел там жирную похлебку, какой дома никогда не бывает.

«Вероятно, и теперь будет так же интересно в городе, как в прошлый раз», — мечтал Залилум накануне вечером, ложась спать.

Но мечта не осуществилась. Отец ушел очень рано, когда на дворе было еще совсем темно, и мать не позволила будить сына.

Когда Залилум проснулся и увидел, что отца уже нет дома, он расплакался от обиды и огорчения.

— Перестань реветь! — прикрикнула на него мать. — Присмотри лучше за малышами, пока я пойду к рыбакам за рыбой. Отец вернется поздно, усталый, голодный, надо приготовить ему ужин получше. — С этими словами она вышла из хижины.

Залилум с досадой посмотрел на малышей. Годовалый братишка ползал по полу, а трехлетняя сестренка ела лепешку.

— Ну, вы, смотрите у меня! Не шуметь! Я еще спать буду. — Залилум погрозил пальцем ребятишкам и снова улегся на свою циновку.

Его разбудил громкий крик. Это плакал брат. Его толкнула сестра, и, падая, он зацепился за глиняный кувшин с водой. Кувшин с грохотом разбился, вода растеклась по полу. Циновка намокла, лежать стало холодно и неуютно.

— Эх вы, мучители мои! — вздохнул Залилум и поднялся с циновки.

Малыш громко кричал. На лбу у него был синяк и вскочила большая шишка. Заревела и девочка. Она собирала черепки и расцарапала руку. Увидев кровь, она громко закричала. Залилум стоял в нерешительности, глядя на беспорядок. Что раньше делать — подбирать осколки и вытирать воду или успокаивать ребят? Вдруг он услыхал голос матери, громко разговаривающей с соседкой.

«Мать вернулась! — подумал Залилум. — Попадет же мне. Лучше удрать, пока она не вошла в дом. А вечером как-нибудь обойдется».

И, взяв со стола лепешку, Залилум тихонько вышел во двор и перелез через стену. У калитки стояли мать и соседка. Залилум не хотел попадаться им на глаза. Он пошел вдоль узкой улицы и через два дома очутился около хижины, где жил его приятель.

— Ахуни!— крикнул Залилум, подойдя к двери. — Идем со мной к реке...

— Ах ты, негодный бездельник! Ахуни уже давно в поле — работает с отцом и братьями. Только ты, большой мальчишка, болтаешься весь день без толку и думаешь о прогулках! — сердито встретила Залилума бабушка Ахуни. — Погоди, вот я тебя!.. — замахнулась она на него палкой.

Залилум поспешно скрылся.

«Ну ее, свяжешься с ней — еще к матери отведет... Тогда плохо будет».

Он быстро пробежал по грязной, кривой улочке и вышел в поле.

Наступил конец декабря. Частые дожди превратили поле в мокрое мягкое месиво; надо было начинать сеять. Многие земледельцы уже трудились целыми семьями. Вон и Ахуни вместе с отцом и старшими братьями очищал поле от прошлогодних сорняков. Залилум прошел мимо своего участка, отделенного от других полей невысоким валом. Там никого не было. Пожалуй, следовало бы самому заняться вытаскиванием стеблей. Но нет,

вечером вернется отец, принесет зерно, и завтра они с утра до поздней ночи будут работать. А сегодня можно погулять. И Залилум весело помахал рукой Ахуни, который на минуту оторвался от работы и удивленно посмотрел на товарища.

— Ты куда? Почему не работаешь?

— Отец в город ушел! Мы завтра выйдем в поле! — прокричал в ответ Залилум и побежал по направлению к большому каналу; только мелькали его босые, загорелые пятки.

Весь день провел Залилум у канала, в зарослях камыша, купался, охотился за мелкими зверьками — ничего не поймал, искал съедобные коренья. Под вечер, когда начало темнеть, он вышел к реке. Сильно хотелось есть. Взятую из дому лепешку он уже давно съел, а кореньев было слишком мало; они плохо утоляли голод.

На берегу, у небольшого залива, который образовался от изгиба реки, стояли маленькие глинобитные домишки. В них жили рыбаки. Они уже кончили рыбачить; сети были разостланы на земле для просушки, удочки смотаны, весь улов собран в садке, отгороженном тростником на мелком месте, у самого берега. Завтра женщины начнут потрошить рыбу, сушить на солнце, а рыбаки снова пойдут ловить — сети были взяты в долг у купца. За них нужно платить рыбой.

Но сегодня можно уже отдохнуть. На берегу около хижин горел костер, в котле варилась рыба. Оттуда тянулся дразнящий запах свежей ухи. У Залилума засосало под ложечкой. Как хочется есть! Он подошел поближе. Четыре бородатых рыбака, сидя на корточках, ели из общей миски. Залилум робко приблизился к ним.

— Эй ты, малыш! Присаживайся, поешь с нами, — окликнул мальчика один из рыбаков.

— Да это Залилум, сын Убар-Шамаша. Я его знаю, — сказал другой и подвинулся, чтобы дать ему место.

Второго приглашения не понадобилось. Залилум быстро уселся между рыбаками и с аппетитом стал есть уху.

Приятная теплота разлилась по всему телу — давно он так сытно не ужинал. Залилуму захотелось спать. Но. нет, больше нельзя оставаться здесь. Стало уже совсем темно, поднялся ветер. Пора домой, и так ему попадет от матери за разбитый кувшин, за шишку брата, а больше всего, пожалуй, за то, что удрал на целый день. Залилум встал, попрощался с гостеприимными рыбаками и только собрался идти, как вдруг хлынул страшный ливень. Сквозь ветхую тростниковую крышу сочилась вода. В хижине стало мокро и холодно. Наконец буря прекратилась, и Залилум смог выйти.

Когда он наконец подошел к дому, было уже совсем темно.

Он очень боялся гнева матери и надеялся только на то, что все уже спят; тогда он незаметно проскользнет на свою циновку.

Залилум вошел в калитку и увидел, что на двери не спущена циновка, мать не спит и сидит у зажженного светильника. Услышав шаги, она встрепенулась и подняла голову:

— Залилум! Где ты пропадал весь день? А отца еще нет до сих пор. Я места себе не нахожу — боюсь, не случилось ли с ним несчастье!

Залилум тихо вошел в комнату, сел рядом с матерью и ласково прижался к ней.

БОЛЕЗНЬ ОТЦА

икакого несчастья не произошло с Убар-Шамашем.

Он просто очень долго находился в пути. Еще накануне вечером Убар-Шамаш договорился с соседом Авил-Анимом, что тот одолжит ему осла, чтоб привезти из города зерно. А когда Убар-Шамаш, уже готовый в дорогу, зашел за ослом, сказалось, что Авил-Аним сам уехал на осле в соседнюю деревню. Что тут было делать? Пришлось идти в город пешком. Ведь завтра обязательно надо засеять поле. И так время упущено. На дворе конец декабря, многие земледельцы уже отсеялись. Убар-Шамаш не успел вовремя закончить работу, так как купец Белидинам заупрямился и не хотел давать зерна в долг. Не раз брал у него зерно Убар-Шамаш и всегда исправно отдавал полную, меру и сверх того добавлял еще лишнее зерно.

В этот раз Убар-Шамашу пришлось долго упрашивать купца. Наконец Белидинам согласился дать ему зерно.

— Ты вернешь мне, после того как соберешь урожай!

— Как всегда, мой господин... — согласился Убар-Шамаш.

— А на табличке мы запишем,— продолжал Белидинам,—что я дал тебе не гур[2] зерна, а сикль[3] серебра, столько, сколько стоит сейчас гур зерна.

— Я верну тебе серебро? — удивился Убар-Шамаш.

— Нет, не так! Ты вернешь мне два гура зерна, потому что после сбора урожая на один сикль можно будет купить два гура, понял?

Убар-Шамаш задумался. Значит, ему придется отдать зерна вдвое больше, чем он взял. И в документе будет записано, что он получил сикль серебра. А что, если Белидинам потребует и серебро, где же достанет его Убар-Шамаш?

— Ты лучше запиши в табличке, что я взял у тебя зерна один гур, а отдать должен два гура...

— Нет! — усмехнулся Белидинам. — Так нельзя писать. Это будет не по закону...

— Не по закону? — удивился Убар-Шамаш.

— Не по закону, — подтвердил Белидинам. — Если узнают, что я беру с тебя вдвое больше, чем дал, меня будут судить и мне придется уплатить штраф царю. А если мы запишем на табличке, что ты получил зерна на один сикль, ты должен будешь вернуть мне зерно тоже на один сикль. Никто не подумает о том, что после урожая зерно будет стоить дешевле, и я получу с тебя вдвое. Нужно так писать документы, чтобы и закон не нарушить и прибыль получить.

Убар-Шамаш вздохнул. «Вот как живет по закону богатый купец», — подумал он.

— Пиши, как ты хочешь, мой господин, я согласен на все...

— Тогда приходи завтра за зерном, а я пока велю написать табличку. Только смотри не опоздай, а то отдам зерно другому. Сам знаешь, урожай был плохой в прошлом году, желающих взять в долг много, а зерна мало! — сказал на прощание Белидинам.

Ну разве мог после этого Убар-Шамаш откладывать поездку в город из-за того, что сосед не дал осла. Убар-Шамаш так торопился, что даже не зашел домой предупредить жену Синнури, что вернется позже обычного. Ведь мешок с зерном ему придется нести на плечах.

До города Убар-Шамаш дошел без труда. И вскоре он уже насыпал ячмень в мешок и оттиснул свой палец на глиняной табличке, которую приготовил писец.

В полдень Убар-Шамаш уже отправился в обратный путь.

Было жарко и душно, но Убар-Шамаш бодро шагал по пыльной дороге — он торопился домой. Чем дальше, тем труднее становилось идти. Дорога была длинная, тяжелый мешок давил спину и плечи, оттягивал руки. Пот градом катился со лба, лицо горело, кровь молотками стучала в виски. Убар-Шамаш еле передвигал ноги. Наконец, совсем обессилев, он остановился у канала, чтобы передохнуть. Он сбросил мешок на землю, наклонился и смочил лицо мутной теплой водой; очень хотелось пить, но вода была такая грязная, что он не рискнул напиться. Он опять взвалил мешок на плечи и пошел. Вскоре снова вернулась прежняя усталость, и ему пришлось опять сделать привал. И так повторялось несколько раз. После каждой остановки дорога казалась еще труднее. Две лепешки, взятые с собой на дорогу, были уже давно съедены, и вначале Убар-Шамашу мучительно хотелось есть. Но теперь сильное утомление заглушило голод.

К вечеру, когда селение было уже совсем близко, поднялся ветер, все небо заволокло тучами, и короткий, но сильный ливень пронесся над долиной. Когда начался дождь, Убар-Шамаш испугался, как бы не промокло зерно. Он положил мешок в яму у дороги и лег на него, чтобы закрыть его своим телом. Убар-Шамаш промок до нитки, но зато зерно осталось сухим.

Дождь кончился, и Убар-Шамаш снова двинулся в путь. Дышать стало легче. Буря освежила воздух, но было очень трудно идти по скользкой глинистой дороге. Ноги скользили и разъезжались в стороны.

Убар-Шамаш едва сохранял равновесие, чтобы не упасть с мешком и не рассыпать зерно. Он промок, и ему было холодно.

Наконец поздно вечером он добрался до дому. Его ждали, Синнури сидела опустив голову, она думала, что мужа убили и ограбили или, быть может, что он упал и разбился и лежит теперь беспомощный на дороге... И чего только она не передумала за длинный вечер.

Но вот Убар-Шамаш вошел в хижину. Синнури вскрикнула и кинулась ему навстречу. Залилум подошел к отцу и помог ему снять мешок. Утомленный Убар-Шамаш сел на циновку. Он дрожал от холода, мокрая одежда прилипла к телу, ноги болели от усталости, руки и спина ныли от тяжелой ноши. Измученный трудной дорогой, он отказался даже от еды. Ему ничего не хотелось — только поскорее лечь, вытянуться и согреть озябшее тело.

Ночь прошла. А наутро Убар-Шамаш не смог подняться. Он весь горел, как в огне, его знобило. Голова была тяжелая и очень болела. Временами он терял сознание, никого не узнавал. Три дня лежал Убар-Шамаш, ничего не ел и только просил пить.

Приходили соседки, давали советы Синнури, но никто ничем помочь не мог — больному становилось все хуже: он начал бредить. Тогда Синнури решила послать за знахарем. Чего бы это ни стоило, надо спасти жизнь мужа. Залилум пошел за знахарем Хаблумом. В храме среди жрецов можно было найти лучшего лекаря, но жрецам надо было очень много платить за лечение.

Вечером пришел Хаблум. Все жители деревни боялись его. Ведь Хаблум умел разговаривать с богами, он знал на память заклинания от дурного глаза, от несчастного случая, он мог прогнать злого духа болезни, который вселялся в человека. Но горе тому, на кого сердился Хаблум, — он мог своим колдовством причинить человеку любую беду. Вот почему, когда Хаблум вошел в хижину, две сидевшие там соседки опустили голову и поспешно вышли. Осталась одна Синнури. Низко кланяясь знахарю, она подвела его к больному мужу.

— Ну, Убар-Шамаш, — сказал Хаблум, — рассказывай, что с тобой приключилось?

Ослабевший Убар-Шамаш смотрел на знахаря помутневшими глазами и ничего не отвечал. Только Синнури плакала и беспрестанно повторяла, что Убар-Шамаш вернулся вечером из города усталый и промокший от дождя, свалился на циновку и четвертый день не встает, не ест, не разговаривает.

Знахарь поднял веки больного, пощупал голову, посмотрел в рот и заявил:

— Твой муж заболел оттого, что на него напал злой дух из болота. Асаккум вошел к нему в тело. Надо выгнать Асаккума из Убар-Шамаша, тогда он будет здоров.

— Сделай это, господин, и мы всю жизнь будем молить за тебя бога! — взмолилась Синнури.

— Сделать можно. Только Асаккум — страшный дух, и выгнать его будет трудно. Надо заплатить один сикль серебра.

— Целый сикль? — всплеснула руками Синнури. — Где же нам взять такие большие деньги? Ведь на них можно купить хорошую свинью или хлеба на два месяца для целой семьи?

— Ну что же, если нечем платить, тогда и лечить не буду,— пожал плечами Хаблум. — А это что? Зерно? — спросил он, показывая на мешок. — Так вот, давай мне сто ка зерна, и мы поладим с тобой!

Сто ка зерна?! Ведь это треть того, что Убар-Шамаш занял на посев! Но если знахарь откажется лечить и Убар-Шамаш умрет?

Лучше уж пожертвовать зерном. И бедная женщина согласилась.

Хаблум быстро наклонился над больным, сделал страшное лицо и громким голосом заговорил, четко произнося каждое слово:

Прочь, прочь, дальше, дальше!
Уходите далеко, далеко.
Отвернитесь, уходите, сгиньте!
Прочь из моего тела!
Убирайтесь из моего тела!
В мое тело не возвращайтесь!
К моему телу не прикасайтесь!
Не мучьте мое тело.

Потом Хаблум начал вертеться вокруг больного, размахивая руками и выкрикивая бессвязные слова, — это окончательно должно было испугать злых духов.

Наконец усталый Хаблум остановился, едва переводя дыхание. Теперь духи оставят Убар-Шамаша, и он скоро поднимется совсем здоровый.

А чтоб облегчить боли Убар-Шамашу, Хаблум дал Синнури пучок травы, велел залить ее горячей водой, прибавить щепотку золы из очага и давать несколько раз в день больному.

Синнури опять низко поклонилась знахарю, отсыпала ему зерно, и Хаблум удалился.

С тоской смотрела бедная женщина на опустевший наполовину мешок, но что делать? Здоровье мужа дороже.

Прошло несколько дней, а Убар-Шамаш все не поправлялся. Залилум несколько раз бегал к знахарю, но тот даже не стал разговаривать с мальчиком. А в последний раз жена Хаблума выгнала Залилума из дома...

Только в конце недели стал выздоравливать Убар-Шамаш. Он был очень слаб, но жара уже не было и голова не болела. Только кашель не переставал мучить беднягу, особенно по ночам.

В первый день, когда Убар-Шамаш поднялся, он вместе с Залилумом вышел в поле. Надо было вспахать его и засеять. Пока отец болел, Залилум очистил все поле от сорняков. Его дружок Ахуни помогал ему в этом. С утра до вечера мальчики работали как взрослые. Только вечером, после ужина, они начинали играть и бегать. Не раз случалось им подраться, но ссора никогда не была долгой. Они тут же мирились. Вот и теперь Ахуни, увидев Залилума за работой, пришел помочь другу. Пришел и его отец,

чтоб вспахать поле вместе с ослабевшим от болезни соседом.

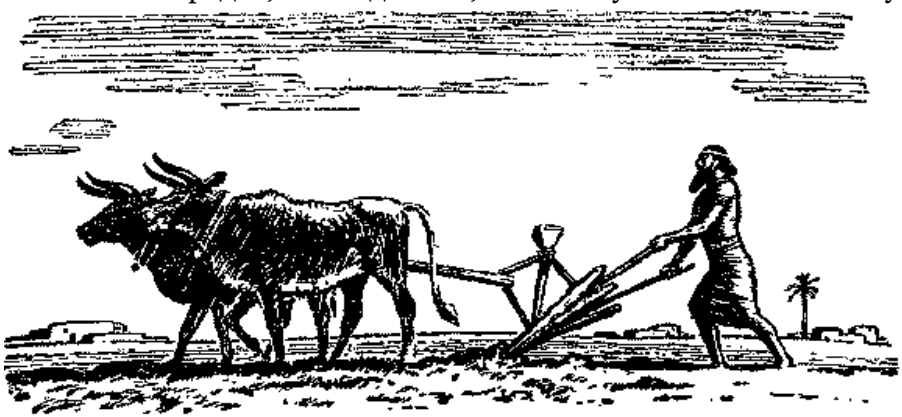
Как только Хаблум узнал, что Убар-Шамаш вышел на работу, он пришел к нему и потребовал еще зерна:

— Сто ка очень мало. Ведь это мои заклинания прогнали Асаккума. Если бы не я, он задавил бы тебя.

Но у бедных людей больше ничего не было. Они низко кланялись знахарю и говорили:

— Мы отдали тебе все, что имели, больше у нас ничего нет. Тем зерном, что оставалось в мешке, мы засеяли поле. Не гневайся на нас! Когда будет новый урожай, мы принесем тебе подарок.

И Убар-Шамаш и Синнури были очень рады, когда Хаблум ушел, не проклиная их и не вызывая злых духов. А в глубине души они не верили в колдовство знахаря. Если бы духи испугались заклинания, Убар-Шамаш сразу бы выздоровел, а он еще целую неделю пролежал больной. Вероятно, болезнь как пришла, так и ушла сама. Но только не совсем ушла. Несколько дней поработал Убар-Шамаш в поле и опять стал мучительно кашлять, и уже не только ночью, а все время. Потом опять началась лихорадка, и чем дальше, тем все хуже становилось ему.



Прошел месяц. Убар-Шамаш уже совсем не вставал. Он сделался похожим на скелет, глаза ввалились, на щеках горели красные пятна, кашель не прекращался.

Синнури больше не звала знахаря, ей нечем было платить ему. В доме давно не ели горячего. И однажды наступил такой день, когда совсем нечего было есть.

Что делать? Только Белидинам может помочь. Убар-Шамаш не дойдет до города. На этот раз Синнури отправилась к купцу просить у него мешок зерна.

ПРОДАЛИ СЫНА

оздно вечером вернулась Синнури из города ни с чем. Белидинам отказался дать ячмень.

— У меня в закромах осталось мало зерна. Все теперь просят хлеба, а за вами и так большой долг. Как будешь отдавать? Муж болен, кто в поле работает, кто соберет урожай?

— А сын Залилум! Он крепкий мальчик, ему уже одиннадцатый год. Мы с ним вместе уберем хлеб и вернем тебе долг! — упрашивала купца бедная женщина.

— Говоришь, сын у тебя крепкий мальчик и умеет работать? Мне как раз нужен такой мальчик в доме. Давай так порешим: я дам тебе одиннадцать сиклей серебра, ты заплатишь из них старый долг и купишь ячмень, кунжутное масло, сушеную рыбу, и еще деньги останутся. А за это ты отдай мне мальчишку.

— Как — отдай?

— Ну, продай!

— Продать сына за одиннадцать сиклей?! Как же это можно, господин? — Бедная женщина еле сдерживала рыдания.

— Как знаешь! Мои слуги не плохо живут. Всегда сыт будет, а работа не очень трудная. А когда Убар-Шамаш поправится, отработает одиннадцать сиклей, я верну вам сына.

— Как же так — продать родного сына в рабство?! —не переставала ахать Синнури.

— Ну вот что, мне тут с тобой некогда возиться. Иди домой, поговори с мужем, посоветуйтесь. Но помни: не отдашь сына, ничего тебе в долг не дам. Только смотри, — прибавил купец,— поскорее решай. Если долго будешь думать, я другого мальчишку куплю, тогда твой мне не понадобится.

Горько плакала Синнури, передавая мужу разговор с Белидинамом. Что делать? Неужели придется продать сына, отдать Залилума в чужой дом?

— Для бедняка лучше умереть, чем жить, — вздохнул Убар-Шамаш. — Если у него есть хлеб, у него нет соли; если у него есть соль, у него нет хлеба!

— А у нас с тобой ни хлеба, ни соли! — вздохнула Синнури. — В плохой день родился наш мальчик, если нам приходится его продавать.

Так ничего другого не придумали родители.

Всю ночь не спала Синнури, думая о несчастной судьбе своего старшего сына. Глубокой ночью встала она, зажгла светильник, подошла к циновке, где спали дети, села у изголовья и долго, долго всматривалась в лицо спокойно спавшего Залилума.

Он еще не знал о том, что его ждет. Мать тихонько смахнула комара с его лба, нежно провела рукой по его черным кудрям и смотрела, смотрела без конца на сына, точно хотела навеки запомнить его лицо. Так просидела Синнури до самого рассвета.

Синнури разбудила Залилума и велела ему собираться в город.

— Зачем? — удивился мальчик.

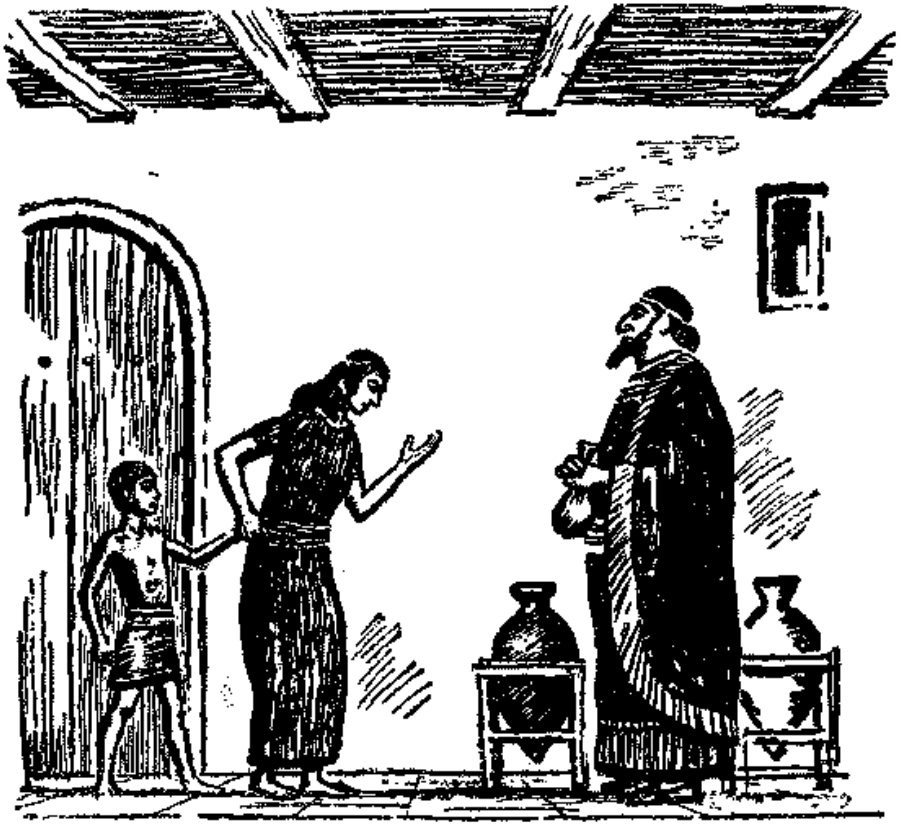
— Ты пойдешь в услужение к Белидинаму, — ответила мать. — Сам знаешь, дома совсем нечего есть. А там ты будешь сыт. Только смотри не озорничай и во всем слушайся хозяина.

Залилум хотел побежать к своему дружку Ахуни, поделиться этой новостью, но мать не позволила — она торопилась поскорее явиться к купцу.

Невеселое это было путешествие. Оба молчали всю дорогу, каждый думал о своем. У Синнури сердце разрывалось от горя, и она потихоньку утирала слезы. Залилум думал о том, какая жизнь ждет его в новом месте, среди чужих людей. Ему было немного страшно и вместе с тем интересно: он будет жить в городе в большом доме купца.

Наконец они добрались до города, пришли на базар в лавку Белидинама.

— А, надумала! — встретил их купец. — Ну, давай составим табличку о продаже мальчика.



Белидинам позвал писца. Тот достал приготовленную из влажной глины табличку и написал, что Синнури продала Белидинаму своего сына Залилума за одиннадцать сиклей серебра. Вызвали девять свидетелей, записали их имена на табличке, и Залилум стал собственностью купца. И только теперь понял мальчик, что он не просто отдан в услужение, а продан, что он принадлежит хозяину, он — раб. С громким плачем кинулся он на грудь матери.

— Забери меня, уйдем! Я не хочу тут жить!

— Ничего, потерпи, сынок, — утешала его мать. — Отец поправится, мы тогда выкупим тебя, ты опять вернешься домой, — говорила она и сама не верила своим словам.

Разве смогут бедные люди скопить столько денег? Сколько раз продавали бедняки своих детей, и никому не удавалось выкупить их у хозяев.

Так Залилум из свободного мальчика сделался рабом в доме купца Белидинама.

В НЕВОЛЕ

алилум живет в доме купца. Его не посылают работать в поле, он не грузит тяжелые тюки с товарами на баржи, не навьючивает ослов. Он слишком мал для этого — его оставили в доме прислуживать господам. Работа не очень трудная. Залилум с ней легко справляется, он всегда сыт, его даже не так уж часто бьют. Он даже привык к тому, что у него, как у всех рабов, сбриты волосы на половине головы. Слуги полюбили живого, доброго мальчика, готового всем помочь и услужить. Даже хозяева как будто привязались к маленькому рабу. И все-таки Залилум страшно тоскует. Он тоскует по дому, по родителям, ему даже хочется понянчить брата и сестру, поиграть с ними, повозиться. Он вспоминает родную деревню, далекие прогулки и своего дружка Ахуни, с которым они и играли и работали вместе, ссорились и дрались, но тут же мирились и поверяли друг другу все секреты. Залилуму даже не удалось с ним проститься. Что-то он теперь делает? Знает ли он, как грустно живется его товарищу?

Дома, бывало, мать больно отшлепает его за какие-нибудь проказы — Залилум заревет во весь голос. Впрочем, чаще всего он кричал не от боли, а для того чтобы показать матери, что довольно его бить. А здесь он ни разу не плакал, когда его били. Он стискивал зубы и молчал, потому что не хотел показывать, как ему горько и обидно, когда его бьют чужие жестокие люди, бьют даже тогда, когда он не виноват. И только ночью, лежа на жесткой подстилке из соломы, Залилум давал волю своим слезам. Но плакал он тихо-тихо, накрыв голову стареньким, прохудившимся плащом, который служил ему и одеялом, и одеждой в холодные, ненастные дни.

Да, трудно жить в неволе, не сметь шагу ступить без разрешения хозяина, не знать, что тебя ожидает завтра.

На днях был у хозяина важный гость, купец из Ларсы. Все утро готовили на кухне угощение. Хозяйка не раз бегала туда попробовать, хорошо ли сварилось мясо, как зажарили утку,

достаточно ли сладки бобы с финиковой патокой. А когда сели обедать, Залилума послали прислуживать за столом.

Очень не понравился гость мальчику. Важный, толстый, сердитый, он с недовольным видом оглядывался вокруг и злобно смотрел на слуг, заходивших в комнату.

— Хорошо живут у тебя рабы, — обратился гость к Белидинаму, — вон какие толстые!

— Чем сытнее кормишь слуг, тем лучше они работают,— ответил Белидинам.

— Я своих не кормлю, — возразил гость. — Они сами где-нибудь свой корм промышляют. А раб у меня работает, пока не сдохнет, потом новых покупаю. Так дешевле!

Залилум не слышал, что ответил хозяин, — мальчик ушел на кухню за новым блюдом. А когда вернулся, гость хлопнул его по спине и сказал хозяину:

— Продай мальчика. У меня как раз умер такой. Мне нужен другой на его место.

У Залилума задрожали руки и ноги, он чуть не уронил на пол кувшин, из которого наливал пиво в глиняные кубки.

— Мне он и самому нужен, — ответил хозяин и, подтолкнув Залилума к двери, прибавил: —Иди, ты больше не понадобишься!

У Залилума отлегло от сердца. Как ни плохо ему в неволе, все же у Белидинама жить можно, а вот у этого купца из Ларсы было бы, вероятно, во много раз хуже. И потом у Залилума появился тут друг. Правда, это не настоящий друг, как Ахуни, равный во всем товарищ. Его новый друг — Наби-Син, старший сын хозяина. Но все же он хороший мальчик. Не раз он выручал Залилума из беды, даже как-то спас от побоев и часто приносит ему что-нибудь вкусное с хозяйского стола. А теперь забил себе в голову Наби-Син, что надо Залилума обучать грамоте.

— Понимаешь, — убеждал Залилума Наби-Син, — если ты научишься писать и считать, отец сделает тебя своим помощником; тогда тебе хорошо будет. А когда я вырасту, мы с тобой вместе будем торговать; ты у меня главным приказчиком сделаешься.

Залилум промолчал. Неужели он всю жизнь будет рабом? Но он не стал спорить с сыном хозяина.

Каждый вечер, когда Залилум кончает работу, приходит за ним Наби-Син. Мальчики идут во двор, садятся в углу за амбаром, и начинается урок.

Наби-Син приносит мягкий кусочек глины и тонкую палочку. Залилум уже научился из этого комочка делать плоскую, круглую табличку. Потом Наби-Син оттискивает клинописные знаки и называет их.

— Ка, — говорит Наби-Син.

— Ка, — повторяет Залилум.

И так каждый урок Наби-Син показывает Залилуму десять—пятнадцать новых знаков и заставляет их выучить. Только они плохо запоминаются. Труднее всего научиться писать. Залилум берет в руки палочку и оттискивает на глине те же знаки, что и Наби-Син. Пишет, глядя на образцы, но получается совсем не то, что нужно, — криво, косо, одни черточки слишком толстые, другие так тонки, что еле видны. Плохо выходит. Совсем не умеет писать Залилум. Да и трудно ему держать загрубевшими пальцами тонкую палочку, и руки дрожат, устает он за целый день. Наби-Син сердится, кричит. А один раз даже побил Залилума, больно ударил линейкой по руке. Очень обидно стало Залилуму. Не в первый раз били его — всегда терпел. Так ведь это были чужие, старшие... А Наби-Син свой, друг называется... Конечно, Залилум мог бы дать ему сдачи, и, может быть, еще крепче, чем сам получил. Да разве ударишь!.. Наби-Син — хозяин, а он, Залилум,— слуга, раб, вещь, принадлежащая купцу.

Залилум закусил до боли нижнюю губу, молча встал и вышел.

На другой день Наби-Син пришел мириться; он подошел к

сараю, где жили рабы.

— Залилум, выходи! Поиграем сегодня в шарики. Я подарю тебе самый лучший. Не будем сегодня учиться.

Залилум не отвечал.

— Ну, идем! — настаивал Наби-Син. — Я больше не буду драться. Я же не нарочно. Учитель всегда бьет нас линейкой. И мне не раз попадало от него.

Но в этот вечер Залилум так и не вышел.

Через два дня мальчики помирились.

Начались опять занятия, но толку от них не было. Залилум плохо запоминал знаки, с трудом оттискивал их на глине, они получались такие неразборчивые, что трудно было угадать их значение. И совсем не потому, что Залилум был тупым, неспособным мальчиком. Просто он очень уставал к вечеру. Весь день бегал он на побегушках. Им командовали не только хозяин и хозяйка, но и управляющий, и кухарка, и сторож, и все слуги вообще. С раннего утра носился Залилум по дому, иногда даже поесть толком не успевал. Какие уж тут занятия! Вот если бы он утром ходил в школу, как Наби-Син, наверное, и он, Залилум, не хуже его мог бы учиться. А так только ради Наби-Сина сидел он по вечерам над табличками. Да и то не всегда вечером бывал Залилум свободен.

Вот сегодня все ушли на свадьбу к брату хозяина, и не только Наби-Син пошел со старшими, но даже младших ребят взяли с собой. А слуг и кухарку отправили пораньше помогать готовиться к свадьбе и прислуживать. Дома остались только маленькая дочь хозяев, старая рабыня-нянька да Залилум.

— Будешь сидеть дома, возьми таблички и учи знаки, — приказал Наби-Син Залилуму на прощанье.

— И не подумаю,— пробурчал Залилум, но Наби-Син уже не слыхал ответа — он вышел вслед за родителями.

Нянька уложила спать девочку и велела Залилуму сторожить ее, а сама тоже легла — совсем расхворалась старуха: спина у нее ныла и голова болела.

В комнате было тихо, начало темнеть. Девочка мирно посапывала. Залилума начало клонить ко сну. Он задремал.

Но что это? Страшный крик разбудил мальчика. Должно быть, что-то испугало ребенка. Или укусило какое-нибудь насекомое. Девочка надрывалась от крика. Залилум взял ее на руки и заходил с нею по комнате.

— А-а-а, спи, спи, спи.

Но девочка не унималась. Что делать? Она никогда не перестанет плакать. Вдруг Залилум вспомнил, как его бабушка успокаивала брата и сестру, произнося над ними заклинание.

Залилум много раз слышал его и хорошо помнил все слова. И, продолжая укачивать на руках ребенка, он заговорил нараспев:

Кто живет в темноте,
Прочь из потемок!
Выходи поглядеть на свет!
Кто рассердился так,
Что мать плачет?
Если это собака,
Бросьте ей мясо.
Если это птица,
Киньте ей крошки!
Если это капризный ребенок,
Спойте ему заговор!
Пусть отец его спит спокойно,
Пусть мать его кончает работу.
Не мой это заговор,
Это заговор Нинакукутум,
Владычицы колдовства.

Мерное покачивание и ритмичный напев усыпили девочку — она затихла. Залилум уложил ее в постель и прилег около нее на полу и незаметно уснул. Ему снилось, что он снова дома, спит на циновке рядом с братом и сестрой и мать ласковой рукой гладит его по голове и шепчет: «Залилум! Проснись, Залилум!»

Он открыл глаза и увидел мать, наклонившуюся над ним и будившую его такими знакомыми и родными словами: «Залилум! Проснись, Залилум!» В первую минуту мальчик не мог понять, где он находится. Потом до его сознания дошло, что он в доме хозяина и мать пришла к нему сюда поздно вечером.

— Мать! Что случилось? Зачем ты здесь? Так поздно?

Синнури села на пол и тихо заплакала.

— Отец? — Залилум обнял мать. — С ним беда?

— Нет больше твоего отца, — зарыдала Синнури. — Злые духи не хотели оставить его в покое. Они мучили Убар-Шамаша и разрывали его грудь. День и ночь кашлял твой отец, и кровь лилась у него из горла. А потом злой дух отнял у него дыхание, и твой отец умер. Вот уже месяц, как его зарыли в землю, и теперь он в подземном царстве, откуда нет возврата. — И Синнури опять горько зарыдала.

— Почему ты раньше не пришла ко мне?

— Нельзя было.

— Как же ты живешь, мать? Одна теперь. Кто работать будет?

— Трудно без отца. Хлеб посеяли, поливали мало, плохо уродился. Убрать некому.

Залилум задумался:

— Мать, забери меня отсюда. Я работать буду. Я теперь сильный.

Синнури покачала головой.

— Белидинам не отпустит. Где я возьму одиннадцать сиклей серебра, чтоб выкупить тебя у хозяина?

Залилум вздохнул. Он забыл, что его продали, он раб. И Залилум провел рукой по своей наполовину обритой голове и печально повторил:

— Белидинам не отпустит.

Синнури встала:

— Пора идти.

Залилум проводил мать до ворот. Грустное было прощанье. Мальчик стоял рядом со стариком сторожем и глядел на мать, пока она не свернула в переулок. Потом он тихо побрел в сарай, где спали рабы, и улегся на свою соломенную подстилку. Было необычно тихо, никто еще не вернулся со свадьбы. Залилум вспоминал отца, представлял себе их опустевший дом, думал о том, как будет жить его мать, как справится она с работой. А брат и сестра? Что будет с ними? В конце концов их тоже продадут какому-нибудь богатому купцу. А ему, Залилуму, уже больше никогда не видеть свободы. Раньше, когда ему было особенно грустно, он мечтал о том, что его отец поправится, будет много работать, соберет хороший урожай, продаст зерно и выкупит сына. А теперь... Теперь отца больше нет, и Залилум будет вечно рабом.

— Не хочу быть рабом! Не хочу! — вслух простонал мальчик и сжал кулаки.

Но как это сделать, как вырваться отсюда, кто ему поможет, такому маленькому и одинокому в своем горе?

Однажды хозяин послал Залилума в кладовую на втором этаже.

Там управляющий Варадсин укладывал глиняные таблички, и Залилум должен был ему помогать. В кладовке на полках стояли плетеные корзины и большие глиняные сосуды; они доверху были наполнены клинописными табличками.

— Зачем хозяин хранит эту глину? — удивился Залилум.

— Это не глина, а документы, в них богатство нашего хозяина,— ответил Варадсйн.

— Какое же богатство? — не мог понять Залилум.

— Смотри, вот корзина с договорами на землю, которую

хозяин дает арендаторам, — за это ему платят большие деньги и отдают зерно. Здесь лежат долговые расписки. Много серебра и зерна дает Белидинам разным людям. Они за это проценты платят купцу.

— А если долг отдадут?

— Тогда разобьют табличку. Только редко это бывает. Видишь, сколько тут табличек в корзинке.

— Бедняк совсем платить не может. Что тогда будет с табличкой?

— Расписка останется у купца, а у должника заберут в рабство жену, или сына, или дочь. Вот так растет богатство нашего хозяина.

— И моя табличка здесь? Когда меня хозяин купил, на глине писали. И свидетели были.

— И твоя здесь. Вот в этом кувшине, где все купчие лежат.

— Купчие?

— Ну да, купчая, документ, который составляют, когда покупают товар, дом или раба. Хозяин бережет эти документы и держит их в верхней кладовке. Внизу сыро, глина размокнет, и все написанное сотрется, и документ пропал.

Сейчас Залилум вспомнил посещение кладовой. Вот бы забраться туда и выкрасть свою табличку и разбить ее. Тогда не будет он больше рабом, опять станет свободным и вернется домой. Но как проникнуть в кладовую? Она заперта. Да и таблички не найти: Залилум не умеет читать, а без этого не разберешь, на какой записано, что он продан. Мучительно думает Залилум, как избавиться от ненавистного рабства, и не находит выхода.

Через несколько дней произошло событие, которое подсказало Залилуму, что ему надо делать.

Из дома Белидинама убежал раб Хизату. Ловкий, сильный, юноша был одним из лучших работников в доме, а его веселый характер сделал его общим любимцем не только среди слуг, но даже и у господ. Сам купец относился к нему хорошо и отличал его от других рабов.

— Хозяин, — пришел как-то Хизату к Белидинаму, — я хочу жениться на Илтани из ткацкой мастерской. Возьми ее в дом служанкой, мы оба будем работать в твоем хозяйстве.

Белидинам нахмурился. Илтани была лучшей мастерицей. Ни одна ткачиха не работала так быстро и хорошо, как Илтани, и Белидинам не хотел лишиться такой искусной работницы.

— Зачем тебе жена-ткачиха? Разве мало служанок в доме? Бери любую.

— Мне нужна Илтани, хозяин. Я люблю ее. Не хочу другой.

— Будешь ты у меня мудрить! «Люблю, не люблю»! Женись на любой служанке, а об Илтани и думать забудь. Не позволю!

С грустной вестью пришел Хизату к Илтани в мастерскую. Как им быть? Как умолить хозяина разрешить им пожениться?

Когда на другой день Белидинам зашел в ткацкую мастерскую проверить работу ткачих, Илтани вскочила с места, кинулась хозяину в ноги и, заливаясь слезами, взмолилась:

— Хозяин, разреши нам пожениться! Мы всю работу будем делать для тебя. Только не разлучай нас с Хизату.

— Пошла прочь, негодная! Зачем бросила работу? Не нужна мне такая ткачиха!

И, сердито отпихнув ногой девушку, он вышел из мастерской.

А через день Илтани была продана в Ларсу хозяину рабочего дома. У него было много рабов, которых он отдавал внаем купцам и земледельцам. Ужаснее этого дома не было во всей Вавилонии. Там рабов истязали и обращались с ними хуже, чем со скотом. А хозяева, нанимавшие их на несколько дней, не жалели чужих рабов, кормили их впроголодь, лишь бы не умирали, чтоб не отвечать за них перед хозяином.

Когда Хизату узнал, что Илтани продали, он, не помня себя от гнева, вбежал в комнату и с кулаками набросился на Белидинама.

Двое слуг схватили Хизату за руки и оттащили его от хозяина.

— Свяжите мерзавца и дайте ему сто ударов, — закричал Белидинам.

Хизату увели. Тут же за ним выбежал управляющий Варадсин, и раб был избит.

В синяках и кровоподтеках, со связанными руками, лежал Хизату на глиняном полу и тихо стонал: «Пить, пить...»

Залилум несколько раз приносил воду и поил несчастного, приподняв его голову.

Глубокой ночью Залилум сквозь сон слышал возню в углу и громкий шепот. А наутро Хизату исчез.

Рассвирепевший Варадсин допрашивал слуг. Кто помог Хизату бежать? Кто развязал его веревки? Ни угрозы, ни побои не помогли Варадсину узнать правду. Все молчали и с ненавистью смотрели на Варадсина. Казалось, вот-вот лопнет терпение рабов, и они кинутся, как Хизату, на своих мучителей.

Варадсин почувствовал это и поспешил удалиться.

Хизату так и не нашли. Ходили слухи, что его видели в Ларсе. Удалось ли ему выкрасть Илтани и бежать с ней, остался ли он сам на свободе или снова попал в рабство, так никто

толком и не узнал.

НАБИ-СИН ЕДЕТ С ОТЦОМ В МАРИ

оздно вечером пришел Белидинам домой. Он удивился, что Наби-Син еще не спит, но не стал его бранить, а только выслал мальчика из комнаты и приказал ложиться спать. Отец весело улыбался, с довольным видом потирал руки, что было у него признаком хорошего настроения, и, видимо, хотел поговорить с матерью о том, что с ним произошло.

«Какой-нибудь залежалый товар выгодно продал»,— подумал мальчик. Не раз, бывало, после такой удачной сделки отец приходил домой веселый, довольный и хвастливо рассказывал, как он ловко надул покупателя. Но отец никогда не скрывал этого от сына: пусть слушает и учится, как надо торговать и наживать богатство. Ведь когда Наби-Син вырастет, он будет помогать отцу вести дела.

«Почему же сейчас отец выставил меня за дверь?»

Наби-Син нехотя вышел из комнаты.

Он тихо подошел к глиняной лежанке, где на разостланной циновке спал младший брат. Наби-Син снял набедренную повязку и, откинув тонкое шерстяное одеяло, лег рядом с малышом.

Из соседней комнаты доносились голоса родителей, впрочем, говорил только один отец, мать изредка задавала вопросы или вставляла два-три слова.

Наби-Син прислушивался к разговору, но родители говорили очень тихо, иногда понижая голос до шепота. Все же из отдельных фраз, которые ему удалось уловить, он догадался, о чем рассказывал отец. Сегодня вечером его вызывали во дворец. Сам царь Хаммурапи дал отцу какое-то важное поручение. Отец поедет в Мари на баржах и повезет туда товары для продажи. Вот только что сказал отцу Хаммурапи? Этого Наби-Син не понял, отец как раз об этом говорил шепотом. А может быть, он и матери этого не сказал. Ясно, что здесь какая-то тайна.

— Поедем через два дня, — услыхал Наби-Син громкий голос отца. — Да не забудь приготовить в дорогу и Наби-Сина. Он

поедет со мной.

Как, отец берет его с собой? Наби-Син едва не задохнулся от радости. Он поедет в Мари с отцом! Он так давно ждал этого. Отец не раз обещал взять его с собой в далекое путешествие, но мать все не отпускала сына. Мало ли опасностей подстерегает путников в дороге. И дикие звери могут разорвать, и злые разбойники нередко нападают на купцов. Только и слышишь, что по дороге в Элам ограбили целый караван, где-то на юге убили купца... Мать всегда беспокоилась, когда отец уезжал. Но тут уж ничего не поделаешь. Жизнь купца полна риска, он часто в пути, с ним все может случиться. Отец Наби-Сиua, купец Белидинам, богат и знаменит на весь Вавилон. Чего только нет у них в доме! Склады полны товаров, с больших полей собирают хороший урожай и доверху насыпают зерном закрома. День и ночь работают s мастерской ткачихи, делают узорные ткани, а в лавке на базаре идет большая торговля. Постоянно отправляет отец товары в разные города и даже в другие страны, изредка и сам сопровождает караваны. «Не всегда можно доверять чужим людям, нужен свой глаз», — любит повторять Белидинам Поэтому он и Наби-Сина хочет приучить к торговле, чтобы свой помощник был в доме. Но до сих пор мать не отпускала сына в дальний путь ни с караваном, ни на баржах.

«Мал еще. Пусть посидит дома, успеет еще ездить с товарами и учиться торговать», — твердила она.

Но на этот раз отец так решительно заявил о своем намерении взять сына с собой, что мать промолчала. Она поняла: спорить бесполезно. Наби-Сину уже двенадцатый год, пора знакомиться с жизнью.

Наби-Син от возбуждения не мог уснуть. Он слышал, как отец сел ужинать. Потом пришла служанка, убрала со стола, гремя глиняными чашами и кубками. Наконец родители пошли спать. В доме погасили свет, и наступила полная тишина. А Наби-Син все еще не спал. Он мечтал о том, как он с отцом отправится в путь. То он представлял себе, как будут грузить баржи, то силился вообразить, как выглядит неизвестный город Мари. Потом ему стало казаться, что он уже плрвет по реке, плавно покачиваясь в ладье, и слышит, как журчит вода. Он уснул поздно — уже было далеко за полночь.

А утром ему так не хотелось вставать! Сначала его будила старая няня; он едва поднимал голову, открывал глаза и снова засыпал. Потом пришла мать.

— Набия! Почему не встаешь? Торопись, в школу опоздаешь!

Наби-Син, даже не поворачиваясь к матери, пробормотал сонным голосом:

— Не могу подняться. Голова болит, в глазах темно.

— Что ты, что ты? — забеспокоилась мать. — Не заболел ли? Может быть, сглазил тебя дурной человек? — И она пощупала рукой лоб сына.

— Ламасум! — позвала хозяйка старую рабыню. — Принеси кувшинчик с питьем от лихорадки. Он стоит в кладовке> где лежат сушеные фрукты.

Наби-Син с отвращением выпил противное, тягучее лекарство с неприятным запахом, позволил матери укрыть себя теплым одеялом и, свернувшись калачиком, крепко уснул.

— Спи, сынок, — сказала мать, уходя из комнаты. — Если к вечеру не пройдет, позовем из храма жреца Шамаш-Хасира: он хорошо умеет прогонять злых духов и лечит от всякой болезни.

Через два часа Наби-Син проснулся. Веселый, здоровый, он хотел бежать во двор.

— Набия, куда ты? Не смей выходить, ты болен! — в один голос закричали мать и няня.

Наби-Син удивленно остановился. Он чувствовал себя совершенно здоровым и совсем забыл о том, что утром у него «болела» голова.

И все же в этот день ему не позволили выходить из дому. Наби-Син был очень рад, что не надо было идти в школу. Всю прошлую неделю он почти не готовил уроков. Отец поздно приходил домой и не успевал проверить, как Наби-Син переписал табличку и выучил на память текст. Вчера учитель потерял терпение и побил Наби-Сина да еще пригрозил, что пожалуется отцу. Сначала угроза учителя не испугала Наби-Сина. Что ему сделает отец? Бить не станет, только отругает. Но теперь, когда Наби-Син узнал, что отец хочет его взять с собой, жалоба учителя была бы некстати. А что, если отец рассердится и оставит его дома? Лучше об этом не думать.

Очень скоро Наби-Сину надоело сидеть одному в комнате.

Чем заняться? Может быть, все-таки выучить уроки? Нет, скучно, может разболеться голова. Лучше позвать Залилума и поиграть с ним в школу.

— Мать! Пришли Залилума, я хочу с ним играть.

Через несколько минут Залилум вошел в комнату:

— Зачем звал меня?

— Садись, учиться будем!

— Опять? Не хочу играть в школу.

— А я тебе говорю — садись! Я твой учитель, и ты должен меня слушаться.

Залилум пожал плечами и покорно сел на пол, скрестив ноги. Наби-Син достал комочек глины и протянул его Залилуму :

— На, сделай табличку.

Залилум опустил глину в чашу с водой, скатал шарик и примял его ладонью — получилась круглая плоская табличка.

— Так, хорошо, — похвалил Наби-Син, потом взял табличку и провел на ней несколько ровных линий. — Ну, теперь возьми палочку и пиши.

— Что писать? — удивился Залилум.

— Пиши знаки, которые я тебе показывал.

Залилум с трудом запоминал уроки Наби-Сина. А после посещения матери он обо всем позабыл. Всю последнюю неделю он думал только о смерти отца и мечтал о побеге.

— Я не помню ничего, мы давно не играли в школу, — тихо сказал Залилум.

— Ты ленивый ученик! — Наби-Син строго посмотрел на Залилума. — Вот моя табличка, списывай!

Залилум дрожащей рукой оттиснул на влажной мягкой табличке несколько знаков. Они получились кривые, некрасивые.

— Твоя рука очень плохо пишет сегодня, — важно сказал Наби-Син, подражая учителю, и хотел ударить Залилума, но, вспомнив прошлую ссору, опустил палку.

— Я не буду писать! — И Залилум решительно отложил в сторону тростниковую палочку.—Вот если бы ты. научил меня читать, тогда... — Залилум запнулся и умолк.

Он подумал, что, если бы он умел читать, ему легко было бы найти «свою» табличку и разбить ее. Тогда он снова сделался бы свободным и ушел домой, к матери. Но он не хотел говорить об этом Наби-Сину.

— Ну что ж, давай читать, — согласился Наби-Син.

Он достал табличку, на которой были написаны различные клинописные знаки, и положил ее перед Залилумом.

— Вот смотри — это знак ноги. Его можно читать «алаку» — ходить, «узузу» — стоять, «вабалу» — приносить. Ну, теперь ты читай.

— Алаку, узузу, вабалу, алаку, узузу, вабалу, — покорно повторял Залилум.

— А это звезда «шаму» — небо, «илу» — бог.

— Шаму, илу, — старательно произносил ученик, внимательно вглядываясь в клинопись.

— Теперь, — сказал Наби-Син, припоминая уроки учителя,— выучи слоги: знак ноги — это «ду, гин, губ, гуп, ра, тум»; знак звезды...

— Набия, остановись! Я не понимаю, какие слоги. И как можно один знак читать по-разному?

Наби-Син растерялся. Он вызубрил много знаков и умел их

читать, но он не знал, как объяснить Залилуму, что одним и тем же знаком можно писать и целые слова и различные слоги.

— Так говорил нам учитель, — ответил Наби-Син.

— Набия! Мне никогда не выучиться читать, я не могу запомнить знаки, они все одинаковые, а читают их по-разному. — Залилум грустно опустил голову. Нет, не найдет он «свою» табличку, не вернется домой.

— Да ты не огорчайся, Залилум, — утешал его Наби-Син. — Мне тоже сразу трудно было. А теперь слушай, как я читаю.

И, взяв табличку, Наби-Син начал говорить нараспев, стараясь подражать интонациям учителя:

Хаммурапи прославил на вечные времена
Величие своей власти.
Хаммурапи — царь, могучий воитель,
Сокрушитель своих врагов.
Он как ураган во время битвы.
Он унизил страну своего врага.
Он уничтожил всякое сопротивление
И положил конец восстанию.
Он сокрушил вражеские силы,
Точно глиняные статуи.
Он преодолел препятствия Непроходимых гор.

Наби-Син кончил.

— Ну, теперь будем говорить вместе: «Хаммурапи прославил...» — начал он.

Залилум молчал.

— Да что же ты? Говори...

— Не буду говорить. Не хочу играть в школу...

— Ну, не хочешь в школу, другое что-нибудь придумаем.

— Не надо другого. Ничего мне не нужно...

— Да что ты такой скучный сегодня? Ничего не хочешь!

— Мать ко мне приходила, — тихо ответил Залилум.— Отец умер. Как они теперь жить будут?

Наби-Син с участием посмотрел на товарища:

— Отец?

Залилум кивнул головой. Наби-Син огорченно вздохнул:

— А ты же у нас живешь. Ведь тебе не плохо, никогда голодным не ходишь. Ты всегда с нами будешь.

Залилум ничего не ответил. Опять Набия говорит так, будто Залилум никогда от них не уйдет, вечно будет рабом.

«Нет, — подумал Залилум, — после того как убежал Хизату, я знаю, что мне делать. Бежать и никогда не возвращаться сюда...» Но вслух он этого не сказал.

— Я пойду, — прошептал Залилум и встал.

Наби-Син не удерживал его, он понимал: у Залилума большое горе.

— Иди! Не плачь, Залилум. Мы всегда будем с тобой. Я твой друг, я не позволю тебя обижать.

Залилум вышел.

Вдруг Наби-Син услыхал из соседней комнаты голос отца. Но что это? С кем он разговаривает? Учитель! Наби-Син похолодел. Зачем он пришел? Вчера Набия не выучил урока, сегодня не ходил в школу!.. Учитель пришел жаловаться на него отцу, и отец не возьмет его с собой в Мари! Все пропало... Никто ему не поможет! Наби-Син едва удержался от слез.

— Набия! — позвал Белидинам сына.

Мальчик вошел опустив голову.

— Учитель говорит, ты не учишь уроков, плохо пишешь, не можешь рассказать на память, что написано на табличке, — строго сказал отец.

Наби-Син молчал. Губы у него дрожали, он не мог проговорить ни слова. Но тут учитель вмешался в разговор:

— Вчера он не знал урока, я побил его плетью. А сегодня Наби-Син совсем не явился в школу. Я пришел к тебе, Белидинам, с жалобой на него. Накажи сына. Пусть он слушает учителя и учит уроки, тогда он будет ученым человеком.

Белидинам нахмурился и сурово посмотрел и на учителя и на сына. Отец рассердился на Наби-Сина за то, что он плохо учился. Белидинам был недоволен учителем, который посмел ударить его сына, наследника богатого купца. Надо поставить на место бедного учителя и показать ему, с кем он имеет дело, кого обучает.

Белидинам пригласил учителя пообедать с ними. Он позвал жену и распорядился, чтобы приготовили угощение. Через некоторое время их позвали, и Белидинам с сыном и учителем вошли в комнату, где был накрыт стол. В высоком кувшине налито холодное пиво; в корзинке лежали фрукты — яблоки, груши; в глиняной миске было редкое угощение — кусок жирной баранины. Даже в таком богатом доме, как у Белидинама, мясо подавали лишь несколько раз в год, потому что его трудно было сохранять. Но отец ничего не пожалел, чтобы показать учителю, с каким богатым человеком тот имеет дело.

Все сели за стол. Отец и учитель — на складные стулья с сиденьем из толстой ткани, мать и Наби-Син — на скамейки. В

комнату вошел Залилум. Он принес кувшин с водой и глубокую чашу, чтобы хозяева вымыли руки перед обедом. Прежде всего мальчик подошел к Белидинаму, но тот указал на учителя.

— На прошлой неделе я был у родителей Кулалума, — сказал учитель, подставляя руки под холодную струю и вытирая их полотенцем. — Там мне прислуживал сам Кулалум. Он и на руки мне поливал воду и кушанья подносил.

Наби-Син хотел встать и заменить Залилума, но отец взглядом остановил его.

— В доме у Кулалума немного слуг. Ведь отец его — простой писец, поэтому учителю прислуживал ученик. Ну, а у нас дома, слава Мардуку, достаточно и слуг и рабов, и мой сын никому не должен прислуживать!

Учитель, опустив глаза, принялся за еду. После мяса подали горох с чесноком, бобовую кашу, посыпанную зеленой пахучей травкой, и, наконец, мучные лепешки, сваренные в финиковой патоке. Учитель с удовольствием ел жирные и остро приправленные блюда, запивал их холодным пивом.

А Белидинам в это время расспрашивал о занятиях, об успехах Наби-Сина, советовался, как исправить почерк сына.

— Правда, Наби-Син не будет писцом, как Кулалум,— прибавил Белидинам, — но, когда мальчик вырастет, ему придется вместе со мной вести большую торговлю и тогда ему понадобится и уменье писать и хороший почерк.

— Для этого надо прилежно готовить уроки и не опаздывать в школу, — заметил учитель.

— Это верно, — согласился Белидинам. — Только не всех учеников нужно одинаково учить. Одним помогает плетка, другим вовремя сказанное слово.

Учитель понял намек. С сыном богатого купца надо обращаться осторожно; даже если он виноват, его нельзя наказывать, как других ребят.

Обед был окончен. На прощанье Белидинам подарил учителю кольцо и новый плащ из узорной ткани с бахромой.

Учитель надел кольцо на палец, бережно сложил плащ, низко поклонился купцу и поблагодарил за подарки.

Прощаясь с учителем, Белидинам сказал, что он уезжает на днях в Мари и Наби-Син поедет с ним, так что мальчик пропустит занятия. Учитель обещал заниматься с Наби-Сином отдельно.

— Смотри только, слушайся меня и прилежно учись, — сказал он на прощанье Наби-Сину. — Тогда ты будешь лучшим учеником в школе и вырастешь хорошим помощником своему отцу.

Теперь Наби-Син поверил в то, что он действительно поедет с

отцом, что разговор, услышанный ночью, не приснился ему и что отец простил ему плохое поведение в школе и не оставит его дома.

Отъезд был назначен на другой день. Весь вечер прошел в сборах в дальний путь. Во дворе, около накалившейся печки, сидела старая рабыня. Она доставала из большого глиняного горшка кусочек теста, делала плоскую лепешку и ловким движением кидала ее в печь так, чтобы тесто прилипло к стенке. Готовые румяные хлебцы уже горой лежали на блюде около печки. На кухне тоже пекли и варили, готовили провизию на дорогу; слуги бегали из комнат во двор, на кухню и обратно в дом, укладывали вещи, увязывали тюки. Больше всех суетились Наби-Син и Залилум. Наби-Сину казалось, что он помогает собираться в дорогу. Залилум надеялся, что, когда уедет хозяин, легче будет убежать. Наконец сборы были окончены, все легли спать.

ПОБЕГ

ще не взошло солнце, а рабы погрузили тюки и мешки с товарами на баржи, и Белидинам с сыном отправились вверх по реке, в Мари.

Вечером хозяйка с младшими детьми уехала к сестре в Борсиппу, город, расположенный к югу от Бабили. Управлять хозяйством Белидинам оставил Варадсина. Он должен был наблюдать за всеми работами дома, в лавке и в поле. Подошло время жатвы. Погода стояла жаркая, солнце палило уже с раннего утра.

Если не убрать вовремя хлеб, то все зерно упадет на землю, останутся пустые колосья. Поэтому не только домашних слуг, но и плотников, кузнецов Варадсин отправил в поле. Даже закрыли ткацкую мастерскую и всех ткачих послали на уборку.

Двор опустел. Дома остались только две старухи рабыни, сторож и Залилум. Варадсин приходил домой поздно, после захода солнца.

У Залилума было много свободного времени, он слонялся по двору без дела и с тоской смотрел на запертые ворота.

Прошло два дня. Под вечер, раньше обычного, вернулся Варадсин. За ужином ему прислуживал Залилум.

— Сбегай в лавку, позови Иккатума. Пусть захватит с собой все таблички. Сделаем записи для хозяина. -Приедет, будет спрашивать.

Залилум направился к выходу.

— Да смотри не бегай по улицам, возвращайся немедленно,— крикнул ему вдогонку Варадсин.

— Ты куда идешь? — спросил сторож, когда Залилум попросил открыть ворота.

— В лавку. Варадсин велел. — И Залилум выбежал на улицу.

Базар был недалеко, поэтому Залилум быстро добежал до лавки хозяина.

— Иккатум! Иди домой, Варадсин зовет тебя. Да не забудь захватить с собой все таблички.

— Зачем?

— Не знаю. Варадсин говорил, что надо.

Иккатум начал собираться.

— Я бегу домой, — сказал Залилум. — Варадсин не велел задерживаться. — С этими словами мальчик вышел на улицу.

В этот поздний час базарная площадь уже опустела. Залилум пересек ее и пошел по улице, которая вела к дому. Вдруг он остановился: «Зачем я иду туда? Отсюда так просто убежать».

Он оглянулся. Пусто, никого не видно. Тогда Залилум повернул в сторону и пошел по улице медников. Солнце зашло, наступили сумерки. Залилум прошел по переулку и попал в тупик. Пришлось идти обратно. Наконец, пройдя несколько

кривых, узких улиц, он вышел на широкую дорогу, которая вела к городским воротам. Когда он до них добрался, сделалось уже совсем темно. Ворота оказались запертыми. Теперь до самого рассвета никто не войдет в город, никто не выйдет. И не только эти северные ворота были на запоре, а вообще все городские ворота были закрыты — нигде не было ни входа, ни выхода. Город как крепость. Залилум стоял, растерянно глядя на закрытые ворота. Как быть, куда идти? Сидеть тут до утра — поймают...

— Ты что тут околачиваешься? — послышался сердитый окрик сторожа. — Уходи, пока цел!

Залилум вздрогнул. Идти обратно? Ни за что! Но куда? Улица темная, глухая, все дома на запоре. За высокими белеными

стенами ничего не слышно. Тишина. Вдруг в одном домике приоткрылась дверь, узкая полоска света прорезала тьму и легла на дорогу. Из домика доносился глухой шум. Да ведь это трактир. Залилум помнил, что он недалеко от ворот.

«Попрошусь переночевать, — подумал Залилум, — а утром пораньше уйду».

Он подошел к трактиру и поднял циновку, закрывавшую дверной проем.

В небольшой комнате стояли четыре длинных стола. На широких, как кровати, глиняных скамьях сидели бородатые мужчины в длинных одеждах и громко разговаривали. Они прямо из общей миски брали руками вареную рыбу, овощи и запивали пивом из глиняных кубков. Вдоль стен лежали мешки и большие тюки.

— Должно быть, купцы из дальних мест, — подумал Залилум. — А где же хозяин?

А вот она, старая толстая трактирщица, стоит в углу у стола, где разбросаны игральные кости. Там о чем-то горячо спорят старик с бородой и смуглый юноша: вот-вот начнется драка, и хозяйка их успокаивает. Замолчали и опять сели играть. Хозяйка подняла голову и увидела мальчика.

— Ты откуда? Что тебе надо?

— Я отстал от каравана, заблудился. А теперь ворота закрыты, и мне некуда идти. Позволь переночевать. Утром я уйду догонять своих.

Хозяйка подозрительно прищурилась. Не похоже на правду. Никакого каравана тут вечером не было. Да и кто же отправляется в дорогу на ночь глядя. Ведь и днем путь не безопасен.

«Должно быть, беглый», — подумала трактирщица.

— Ну ладно, оставайся, — сказала она мальчику.

А про себя решила не выпускать его: пусть помогает — в трактире дел много. Немного опасно прятать беглого. Да вряд ли его искать будут: он хилый, маленький. Кому нужен такой?

Ночь прошла. Утром Залилум хотел уйти, но хозяйка его не отпустила.

— Переночевал, поел, а потом бежать? Отработай, тогда уйдешь.

И Залилум остался в трактире.

С утра до вечера носился он по трактиру, приносил еду, раздавал вино, убирал грязную посуду, помогал хозяйке у очага. И только поздно вечером, когда все расходились, мальчик ложился спать в углу чулана, недалеко от хозяев.

«Что же такое? — с тоской думал он. — Ушел от Белидинама,

а попал на постоялый двор. Еще хуже стало. Ни минутки свободной». И не один раз уже за этот день били его и хозяин, и хозяйка, и даже постояльцы. Надо бежать, бежать как можно скорее, пока совсем не погиб. Но Залилум скоро заснул от усталости, а наутро все опять началось сначала.

Прошло два дня.

— Что у тебя за мальчишка прислуживает? Откуда взял? — спросил как-то хозяина высокий, плотный мужчина.

Залилуму его лицо показалось знакомым. Да это приказчик соседа из лавки, что рядом с лавкой Белидинама.

— Купили у проезжих купцов, — ответила трактирщица.

— Так ли? А документ о покупке есть у тебя? И свидетели тоже? Смотри не попадись. Слыхал, у Белидинама мальчишка-раб сбежал? Не он ли? Найдут его, тогда тебе несдобровать. Сама знаешь — закон...

— Да нет, это мой, купленный, — ответила хозяйка. — И чего ты под ногами вертишься? — закричала она на Залилума. — Иди отсюда! И не шляйся здесь больше! — И, дав мальчику подзатыльник, она выгнала его из комнаты.

Весь вечер хозяйка была не спокойна. Стоило Залилуму показаться в комнате, как его немедленно выставляли оттуда, а затем хозяйка необычно рано отправила его спать.

В середине ночи Залилум проснулся — хозяйка с мужем о чем-то довольно громко разговаривали в комнате рядом с чуланом. Залилум прислушался.

Взволнованно говорила трактирщица:

— Понимаешь, у Белидинама сбежал мальчишка. Это он и есть. Сегодня его узнал один купец, а завтра и сам Белидинам дознается, где его беглец. Тогда конец нам. Беда, если найдут беглого раба. Скажут, спрятали, все равно что украли. За это по закону смерть.

— И что это у Белидинама рабы бегут? Всего месяц прошел, как от него ушел раб Хизату. Говорят, его видели в Ларсе.

— Приезжий купец рассказывал, что Хизату убили в каком-то трактире.

«Бедный Хизату убит!» — огорчился Залилум.

Услыхав знакомое имя, Залилум стал прислушиваться к разговору еще внимательнее.

— Как — убили? — удивилась трактирщица.

— Какой-то купец взял Хизату к себе, не зная, что это беглый раб. Один раз пошли они в трактир, а там были люди Белидинама. Они узнали Хизату и обвинили купца в краже. Ты, говорят, укрыл беглого раба, тебя за это казнить надо. Тогда купец задушил Хизату,

— Правильно сделал, — сказал хозяин. — За убитого раба только штраф платят. А кто беглого раба прячет, тому за это смерть. Спрятать раба — все равно что украсть!

— Что же будем делать с мальчишкой?

— Эх, не надо было с ним связываться. Да теперь поздно об этом говорить. Ну ладно, спать пошли. Завтра что-нибудь придумаем.

Хозяева улеглись, в комнате наступила тишина.

Залилум слышал весь разговор. Он лежал, сдерживая дыхание, но у него так сильно стучало сердце, что ему казалось, будто стук его слышен не только в доме, но даже на улице.

«Значит, Хизату погиб, — опечалился Залилум. — Убежал от одного хозяина, а другой убил его... А что же будет со мной?» — подумал мальчик.

Приказчик соседа часто бывает в доме у Белидинама, Завтра обо всем узнает Варадсин, и трактирщики вернут хозяину беглеца. А вдруг трактирщик убьет Залилума, задушит, как Хизату?

Рыдания подступили к горлу, но Залилум сдержался. Тихо. Нельзя плакать. Пусть хозяин думает, что он спит и ничего не знает. Залилум лежал с открытыми глазами и вслушивался в тишину; ее нарушали только мерное дыхание хозяйки и храп хозяина.

Залилум встал, опять прислушался. Тишина. Спят. Еле слышно, на кончиках пальцев, он вышел из чулана, прошел через большую комнату и тихо отодвинул засов. Открыл дверь. Она заскрипела, храп прекратился. Залилум замер в страхе, стараясь не дышать. Нет, все спокойно. Хозяин только повернулся на другой бок и снова захрапел. Залилум вышел и прикрыл за собой дверь.

На дворе совсем темно. Высокое черное небо усеяно яркими звездами. Мальчик облегченно вздохнул, почувствовав себя на свободе. Он пошел к городским воротам, сел на землю и стал дожидаться рассвета.

«Только бы не уснуть, — думал он, — а то проворонишь время, когда открывают ворота. Тогда все пропало: поймают, если не уйдешь рано».

Он поднял голову и стал рассматривать звезды. Сколько их — не сосчитать... Вон, почти прямо над головой, яркая, самая большая — это звезда бога Мардука, царя богов. Наби-Син научил Залилума узнавать звезды. А вон другая, мерцает и горит красным светом, — звезда страшного бога Нергала, бога войны. Сколько их там? Так много, что всех не запомнишь.

Постепенно небо начало светлеть, на востоке появилась

бледно-розовая заря, звезды померкли. И только одна звезда, большая, яркая, засияла голубым светом в лучах утренней зари.

Это утренняя звезда богини Иштар. Значит, скоро утро. Залилум подошел к воротам. Там уже собирался народ. Тут были и гонцы, которых царь Хаммурапи посылал с письмами в разные города, и караваны купцов с товарами, навьюченными на ослов, путешественники отправлялись по делам в разные места и даже в чужеземные города.

В этой сутолоке Залилум надеялся незаметно пройти через ворота. Однако стражники внимательно проверяли всех, кто шел мимо них.

— Ты куда? — схватил стражник Залилума за плечо.— Где твой хозяин?

Залилум растерялся. Он машинально провел рукой по своей наполовину обритой голове и испуганно ответил:

— Я потерял его. Он, наверное, вышел уже и...

— Никуда он не выходил,—грубо оборвал его стражник.— Сиди тут и дожидайся! — И он оттолкнул мальчика от ворот.

Залилум отошел в сторону и сел на камень у дороги. Мимо проходили люди; одни торопились, другие шли медленно и важно, но все были заняты своими делами и никто не обращал внимания на мальчика, одиноко сидевшего на камне.

Залилуму хотелось плакать, но он сдерживал слезы. Неужели ему не удастся выйти из города и он опять должен будет вернуться к хозяину и навечно остаться рабом?

ВВЕРХ ПО РЕКЕ

ретью неделю плывет Наби-Син по реке. Вода стоит высокая, берега топкие. Рабы дружно налегают на лямки и тянут суда, но ноги вязнут в мокром песке, идти тяжело, и суда медленно подвигаются вверх по Евфрату. Река так широка, что Наби-Сину кажется, что он плывет по морю. Но он прекрасно знает, что Евфрат — река длинная, широкая и течет она с далеких высоких гор до самого моря. Так объяснял им учитель в школе.

А какие зеленые берега у Евфрата! Каждый день с самого утра до вечера, пока светло, не перестает ими любоваться Наби-Син. Вначале долго плыли мимо селений с небольшими фруктовыми садами. Чего тут только не было — абрикосы, яблони, груши, черешни, гранаты... Но, пожалуй, лучше всех рощи финиковых пальм. Густая, сочная трава покрывает зеленым ковром луга, на которых пестреют яркие цветы. Наби-Син никогда не видел в городе таких красивых. Хорошо плыть, когда стоит высокая вода. Летом Евфрат войдет в берега и начнется жара; тогда выгорит трава, увянут цветы, пожелтеет камыш. И только пальмы, у которых очень длинные корни, будут шелестеть своими пышными листьями. Недаром говорят про пальму, что это дерево любит, чтобы ноги у него были в воде, а голова в огне.

За последние дни селения встречались все реже. Около глиняных домиков стояли фруктовые деревья. На полях, изрезанных каналами, работали люди. На берегу канала, около небольшого фруктового садика, стоял высокий столб с качающейся перекладиной, к одному концу которой была прикреплена бечевка с глиняным ведром.

— Отец, смотри, какой странный столб, — удивился Наби-Син.

— Это шадуф, — отвечал отец. — Летом, когда начнется засуха, ведром наберут воду из канала и будут поливать деревья в садах.

— Кто это сделает?

— Здесь — сами земледельцы.

— А у нас?

— У нас — рабы, — важно отвечает Белидинам.

— Смотри, смотри, вон опять селение, и опять на высоком холме. Почему все селения на холмах?

— Это не холмы, это насыпи. Их сделали люди. Много лет стоят здесь селения. Берега Евфрата низкие и ровные, река во время разлива заливает всю долину. Глиняные домики разрушались от наводнения, а на их развалинах строили новые дома. Так продолжалось очень много лет. За это время выросли большие насыпи, совсем как холмы, и теперь наводнение уже не страшно — вода не доходит до селения.

— Ты говоришь — давно. Двадцать лет? Или даже сорок?— поинтересовался Наби-Син.

— Что ты, сынок, гораздо больше.

— Значит, сто!

— И даже не сто, а много сотен лет.

Наби-Сина занимает все. Он без конца задает вопросы, все ему хочется знать.

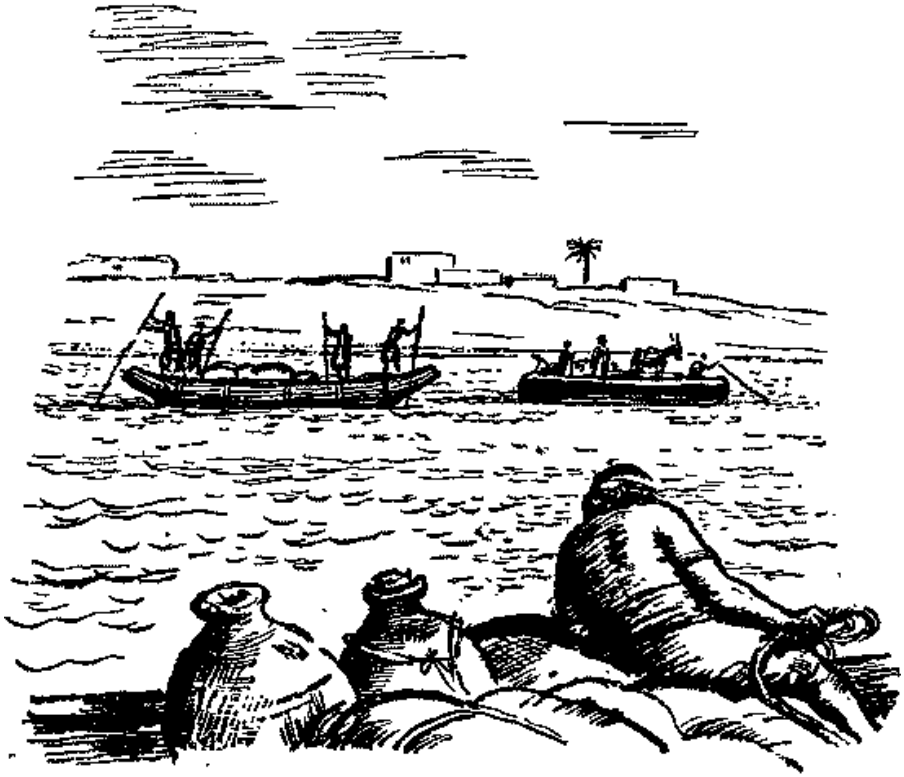
Сверху вниз по течению то и дело идут суда, большие и маленькие, груженные деревом, камнем, металлом. Это строительный материал, его везут в Бабили. Ведь там нет ни лесов, ни гор. Жилища строят из глины и тростника; его много в долине, в нижнем течении Евфрата, а для храмов и дворцов нужны дерево и каменные плиты. Вот проплыл калакку — плот на надутых воздухом кожаных мешках. Изредка проходят деревянные суда. Они не велики. Дерево — дорогой материал. Обычно на них везут товары купцов из страны Хатти, где много лесов на склонах Серебряных гор[4]. Чаще всего встречаются легкие тростниковые ладьи с загнутыми кверху носом и кормой, такие, на какой плывет сам Наби-Син. Иногда попадаются совсем круглые суда из тростника, обшитые снаружи кожей. Когда несколько судов одновременно идут по реке, раздаются звонкие голоса. Гребцы перекликаются друг с другом, купцы, встретив знакомых, спрашивают, как дела, какие товары лучше продаются, хороши ли барыши. А однажды Наби-Син очень удивился, когда мимо них прошла круглая ладья, на которой везли не только доски, но и осла.

— А осел зачем? Разве их мало в Бабили? — смеясь, спросил мальчик у Рибамили, который, стоя у кормы, держал рулевое весло.

— Они везут осла не для продажи, — ответил Рибамили.— Когда купцы распродадут свои товары, они выбросят тростниковые стенки и дно, а кожу погрузят на осла и вернутся домой сухим путем. На такой лодке трудно плыть вверх по

реке, даже если ее будут тащить на веревках. Это не то что наша узкая ладья — она легко скользит по воде.

И Рибамили повернул весло влево, чтобы обойти небольшой островок.



Наби-Син успел подружиться со старым Рибамили. Много лет плавает Рибамили по реке и знает ее так хорошо, как свой дом. А сколько всевозможных историй рассказывает Рибамили!.. Не раз случались с ним различные приключения, бывал он и в опасных переделках, на волосок от смерти. Вот вчера Рибамили рассказал Наби-Сину о том, как однажды на судно, где он плавал, напали грабители. Темной ночью два разбойника подплыли к ладье. Один успел уже влезть в нее, другой только схватился за борт. Рибамили стоял у руля. Он не растерялся — сильным ударом весла оглушил грабителя, тот свалился за борт. Второй испугался и, подхватив упавшего товарища, поплыл с ним к берегу.

Сейчас Наби-Син подсел к Рибамили, надеясь услышать что-нибудь интересное.

— Рибамили, я сегодня всю ночь не спал.

— Да ну? Разве мешок с шерстью, на котором ты спишь, набит камнями, тебе было больно лежать?

— Не смейся, Рибамили! Ночью кто-то плакал и кричал на берегу. Я проснулся от этих криков и испугался. Не разобрал со сна, что это шакалы воют. Потом уснуть не мог. Все казалось, что вдруг они прыгнут в ладью. Ведь мы идем почти у самого берега.

— Ну, шакалов не надо бояться. Они не трогают людей, они падалью питаются. Только воют по ночам очень противно. А вот со мной был случай, — прибавил старик, — я тогда чуть не поседел от ужаса, хотя мне было немного лет.

У Наби-Сина загорелись глаза:

— Расскажи, Рибамили! Пожалуйста!

— Ну ладно. Слушай! — Рибамили помолчал немного, собираясь с мыслями. — Давно это было. Я только два года плавал по реке, руль мне еще не доверяли, я был гребцом, сидел на веслах. Груз у нас был ценный; везли сверху, из страны Хатти, серебро. Его там в горах добывают, недаром эти горы называют Серебряными. С нами на судне ехали два воина, у каждого было копье и лук со стрелами. Они охраняли мешки с серебром. Совсем уже близко было до Бабили, через день надеялись подойти к

пристани, последнюю ночь шли по реке. Тишина была кругом. Только чуть слышно было, как весла всплескивали воду. Луна взошла, все видно было как днем. Мы шли у самого берега, покрытого густыми зарослями травы и тростника. Вдруг раздался страшный крик. Никто не может без страха слышать это протяжное, воющее рычание. Звери стремглав кидаются в сторону и бегут без оглядки: они знают, что только быстрые ноги могут их спасти от гибели. А у человека от этого воя начинают дрожать руки и ноги и сердце сильно колотится в груди, будто хочет выскочить. Так кричит только голодный лев, когда он собирается на охоту. Горе тому, кто попадется на его дороге. Вот и все мы замерли в лодке. Крик повторился. Зашумел камыш. И тут мы увидели большого, сильного зверя с пышной гривой. Он вышел из зарослей и стал на берегу, почти у воды. Должно быть, кто-то потревожил льва, и он рассвирепел. Вдруг лев прыгнул прямо на нас. Только он не смог попасть в лодку, а вцепился лапами в борт. Если бы ему удалось вскочить к нам, мы бы погибли. Но тут один воин выстрелил из лука и попал в глаз зверю. Лев взвыл от боли. Тогда второй воин метнул копье и попал льву в шею, в то место, где у него бьется кровь, и она сильно полилась из раны. Даже вода кругом потемнела, это было видно при лунном свете. Тут я и опомнился от ужаса и ударил льва ножом по лапам, вцепившимся в борт лодки. Но это уже было лишнее. Лев был ранен насмерть, он ослабел — больше не мог держаться и упал в воду. Так мы спаслись от льва.

— Ну, а что потом? Вы достали его из воды?

— Нет, — ответил Рибамили. — Мы так были напуганы, что сразу не могли прийти в себя. Ну, а потом уж поздно было искать его в реке. Лодку сильно отнесло вниз по течению... Ну, хватит на сегодня, — сказал старик, берясь за весло. — Видишь, лодку отнесло от берега. А вон и хозяин идет. Как бы он не рассердился, что мы болтаем! Иди отсюда.

Наби-Син нехотя встал и пошел на нос. Он сел на мешок и, глядя вниз на реку, снова переживал рассказ Рибамили. Он так живо представил себе лунную ночь, страшного, рычащего льва, схватку со зверем, что ему казалось, будто все это происходило с ним самим.

«Вот это жизнь! — думал мальчик. — Она полна опасностей и разных приключений». А что у него? Каждый день утром он идет в школу, отвечает урок, пишет на глиняной табличке и учит новый урок к следующему дню. Скучно. Ну ничего, отец говорит, что через два года, когда Наби-Син кончит школу, он будет помогать отцу. Тогда и он, Наби-Син, будет ездить в далекие страны, с которыми ведет торговлю отец. Он попадет и в страну

Хатти, расположенную в горах, где добывают серебро, в царство Угарит на берегу Великого моря Заката[5]. Оттуда везут медь, высокие, ровные стволы ливанских кедров и пурпурные ткани, из которых делают дорогие одежды. Пожалуй, это будет еще интереснее, чем путешествие Рибамили по одной реке. Только раньше надо кончить ученье. Ну что ж, ради этого можно потерпеть.

Но сейчас об этом не стоит думать. Его мечта осуществилась — он едет с отцом в далекий город Мари, о котором он так много слышал от отца. И школа, неприятности, уроки — все забыто! А сейчас они приближаются к небольшому городу, расположенному у самого берега. У пристани стоит множество различных судов. Баржи Белидинама и его компаньона Наратума подошли к причалу. Сидящий на носу раб спрыгнул на берег и привязал баржи к столбам. К купцам спустился в лодку чиновник и потребовал у них таблички с разрешением на вывоз товаров. Затем он пересчитал мешки, проверил, что в них лежит, и пошел к главному начальнику. Вместе с ним отправился и сам Белидинам. Все было в полном порядке, и разрешение двигаться дальше было получено. Белидинам облегченно вздохнул, когда они отчалили от пристани и снова пошли вверх по реке.

— Сегодня все быстро окончилось, — сказал он Наратуму. — Не всегда бывает удача. Иногда чиновники так придираются, что на сутки задерживают суда.

— Мы же недаром ходили в храм к жрецу, чтобы узнать, можно ли выехать в намеченный нами день и нет ли плохих предсказаний, — ответил Наратум.

— Да, день был выбран удачно. Жрец сказал, что расположение звезд благоприятствует началу путешествия по торговым делам... Не помешал, конечно, и мешок с финиками, который я подарил начальнику... — прибавил Белидинам.

Наби-Син не принимал участия в этих разговорах. С самого начала путешествия для него все дни были удачными и счастливыми. Только что он сидел на носу, смотрел, как отчаливают, а теперь снова примостился около Рибамили.

— Смотри, мальчик, на город, пока он совсем не скроется из виду, и прощайся со своей страной! Отсюда начинаются чужие земли.

— Наконец-то чужие земли! — У Наби-Сина загорелись глаза. — Мы совсем уже далеко от дома!

— Скоро еще дальше будем, — ответил Рибамили.

Много дней уже плывет Наби-Син по реке, и все не надоело ему любоваться берегами. Селения стали совсем редко попадаться. Зато зеленые рощи были повсюду.

— Рибамили! — спрашивал Наби-Син своего друга.— Смотри, как здесь много деревьев, почему же финиковые пальмы так редко встречаются? У нас мало деревьев, но зато кругом целые рощи и сады из пальм.

— Финиковая пальма боится холода, — ответил Рибамили,— здесь финики не успевают созревать.

— Какой холод? Жарко так, что днем дышать трудно!

— Это летом стоит зной. А зимой тут дуют холодные ветры и даже иногда выпадает снег.

— Снег?! — удивился Наби-Син. — Что это — снег? Какой он? Я никогда не видел снега.

— Ты не мог его видеть, Набия. У нас в Бабили никогда не бывает снега. Он идет вместо дождя, когда холодно. Маленькие белые пушинки падают на землю и сразу тают. А в горах, когда зима наступает, они лежат на земле и покрывают ее белым одеялом. Будешь ездить в горы на север, тогда увидишь.

Широко раскрытыми глазами смотрел Наби-Син на рулевого, внимательно слушая все, о чем говорил старик.

— Рибамили, — попросил однажды Наби-Син, — расскажи, как ты жил, когда был маленьким.

— Давно это было, сынок, я уж не помню, сколько мне лет. Еще не родился наш царь Хаммурапи, правил тогда его дед Апильсин... — Рибамили помолчал. — Отец мой всю жизнь был бедняком. Мать вместе с ним работала в поле, братья им помогали...

— А ты, Рибамили?

— Я тогда совсем маленьким был. Не помню ни отца, ни братьев и дома своего не видел никогда.

— Как это? Ни дома, ни отца не знаешь?!

— Слыхал, есть такая пословица: «Бедняк живет ценою своих детей».

— Ценою детей? Я не понимаю.

— Это значит, что, если бедняку нечего есть, он продает своих детей. Отец продал моих братьев богатым купцам. Я их никогда не видел.

— И тебя потом продали?

— Нет, меня не продавали. Отец взял зерно у купца, в долг дал купец. Отец посеял зерно, а Адад, бог бури, послал страшный ураган на наше поле. У всех хлеб погиб. Плохой урожай собрал отец и не смог заплатить купцу долг. Тогда хозяин забрал мою мать в залог. Сказал купец: «Вернешь долг — отпущу жену». Я тогда совсем маленьким был, хозяин меня вместе с матерью взял. Так я никогда на свободе не был — всю жизнь раб.

— Разве хозяин не отпустил тебя и мать через три года?

— Нет! Отец не смог отдать купцу зерно, что брал в долг.

— Как же так? — удивился Наби-Син. —Мы же читали в школе таблички с законами. Там сказано: если хозяин взял за долги жену или сына должника, то через три года он должен отпустить их на волю.

— Это теперь такие законы. А раньше, при Апильсине и при Сумулаэле, отце царя, этого не было. Кто попал за долги в рабство, тот всю жизнь рабом останется.

— Значит, Хаммурапи такой закон придумал? Отец говорит, он справедливый царь, хороший!

— Цари все хорошие, да мы этого не видим. А закон? Нам, рабам, все равно, есть он или нет его.

— Ну как это — все равно! — горячился Наби-Син. — Подумай сам, ты бы не был теперь рабом. Вы бы с матерью через три года вернулись домой.

— А через год опять в кабалу бы попали. Есть нечего было— опять купец за долги забрал бы мать и меня.

— Как же это? Хаммурапи велел написать на табличках, что сильный не должен обижать слабого... А ты говоришь...

— Написать все можно. Много лет я живу на свете, только ни разу еще не видел, чтоб богатый человек кого-нибудь боялся. Сила у него в руках, что хочет, то и делает.

— Надо царю жаловаться. Отец говорит, Хаммурапи сам жалобы разбирает. Он слушает, что читает писец, и сам все решает. Кто виноват, того царь наказывает.

— Отец правду говорит. Ты говоришь, жалобу надо написать царю. А кто умеет писать? Бедняк не может это сделать. Он не учился в школе.

— А писец?

— Писцу заплатить надо. Он даром ничего не делает. Вот ты и подумай, Набия, чьи жалобы разбирает царь, кому законы помогают жить. Понял?

Рибамили умолк. Он направил ладью ближе к берегу, где, натягивая веревки, с трудом передвигались рабы и тащили суда. Суда доверху были наполнены тяжелым грузом, и люди, изнемогая от усталости, шли, мерно покачиваясь и напрягаясь изо всех сил. Иногда какой-нибудь раб нагибался так низко, что, казалось, он сейчас упадет. Но он вытирал пот, катившийся с него градом, выпрямлялся и шел дальше. Когда становилось совсем невмоготу, рабы затягивали заунывную, монотонную песню—это помогало им идти. Они пели о том, что дорога длинная, ладья тяжелая, что веревка натерла грудь, и солнце опалило их голые спины, и ветер пустыни несет им навстречу свое горячее дыхание, и идти им нужно еще много дней по топким берегам, потому что

далек путь от Бабили до Мари.

Наби-Син вслушивался в слова этой грустной песни и с жалостью смотрел на рабов. Он думал над словами Рибамили.

Ведь, правда, в школе у них учатся только дети богатых людей. Среди них нет ни одного бедного мальчика. Всё сыновья купцов, военачальников, царских чиновников. Вот у Кулалума отец простой писец, но разве он плохо живет? Кулалума никогда не продадут в рабство, как Залилума. И Наби-Син вспомнил своего товарища. Каким он был веселым вначале, когда его привели к ним в дом. А как он был грустен, когда они в последний раз играли в школу. Теперь и Залилум будет всю жизнь рабом, как Рибамили. Наби-Син вздохнул:

— Знаешь, Рибамили, когда я вырасту и буду хозяином, я сделаю Залилума своим помощником. Я никому не позволю его обижать, мы с ним всегда будем вместе.

— Ты хороший мальчик, Набия. Помни, что ты сейчас сказал, и не забудь этого, когда станешь большим. А сейчас иди. Смотри, солнце уже зашло и скоро совсем стемнеет.

— А когда ты расскажешь сказку? Ты утром обещал, Рибамили...

— Сегодня уже поздно. Сказка завтра будет.

— Набня! Иди ужинать, — позвал Белидинам сына. Мальчик встал и пошел к отцу.

Утром, как всегда, Наби-Син проснулся с восходом солнца и сразу пошел на корму к Рибамили, но старик был занят и отослал мальчика:

— Иди, Набия, сейчас мне некогда. Приходи после полудня.

Наби-Син нехотя отошел от Рибамили и сел на носу. Он с тоской смотрел на берега, покрытые зеленой травой и высокими камышами, на рабов, которые по-прежнему с трудом тянули баржу против течения.

Прошло уже много дней. Наби-Сину надоело путешествие по реке, он все чаще вспоминал дом, мать и своего товарища Залилума. Как было бы хорошо, если бы отец взял и Залилума с собой: им веселее было бы вдвоем. Рибамили знает много интересных историй, но не всегда же хочется слушать рассказы. Да к тому же у Рибамили мало свободного времени.

После полудня Рибамили позвал Наби-Сина. Тот с радостью уселся около старика и приготовился слушать давно обещанную сказку.

— Много, много лет назад, — начал Рибамили, — правил городом Уруком могучий царь Гильгамеш. Высокой стеной обнес он город, выстроил храм богине, своей матери. Днем работали люди Урука, а по ночам Гильгамеш устраивал пиры во дворце, сзывая всех на праздник.

Однажды пришел к Гильгамешу охотник и рассказал, что встретил он в лесу человека, великого силой. Энкиду звали его. Был Энкиду одет, как охотник, пышные кудри падали на плечи. Не знал Энкиду людей, жил он среди животных, вместе с газелями ел он траву, со зверьми ходил к водопою. Все силки рвал Энкиду, все капканы ломал и спасал лесных зверей.

«Что мне делать? — спросил охотник. — Как избавиться от Энкиду?»

И дал ему Гильгамеш мудрый совет:

«Иди к водопою и приведи с собой красивую девушку. Увидит красавицу тот человек, полюбит ее и забудет зверей, уйдет с нею из пустыни».

Нашел охотник красивую девушку и отправился с ней в пустыню. Три дня шли они и наконец достигли водопоя.

День прошел, и второй день сидели они в ожидании, и только на третий день спустились с гор звери и стали пить воду. И с ними пришел Энкиду.

Увидел Энкиду красавицу, и любовь охватила его сердце. Подошел он к ней и не смог уже больше уйти.

И сказала ему девушка:

«Ты силен, ты прекрасен, Энкиду. Что ты делаешь -в пустыне среди зверей? Идем со мной. Я приведу тебя в Урук, в большой дворец, к Гильгамешу, который мудро правит людьми».

Позабыл Энкиду зверей своих, жадно слушал он речи любимой и согласился идти с ней во дворец.

«Идем в Урук, к Гильгамешу, великому силой. Я хочу вызвать его на бой, сразиться с ним. Посмотрим, кто из нас сильнее: он, могучий царь, или я, который родился в пустыне!»

— И они дрались, Рибамили? — спросил Наби-Син, внимательно следивший за рассказом. — Кто же из них сильнее?

— Погоди, Набия, не забегай вперед. Все узнаешь в свое время. Пришел Энкиду в Урук, — продолжал Рибамили,— встретился с Гильгамешем, и начался между ними великий бой. Много дней боролись герои, но не могли одолеть друг друга. Устали они, посмотрели друг на друга и поняли, что оба они равны силой. И заключили герои союз дружбы. И с тех пор не расставались друзья, не оставляли друг друга в беде, вместе делили и горе и радость. Много подвигов совершили Гильгамеш и Энкиду, спасая людей от беды. Задумал Гильгамеш добыть строевой лес из кедровой рощи, которую охранял Хумбаба, страшное чудовище.

Стал Энкиду отговаривать своего друга:

«Знаю я это место, был я там, когда бродил по горам. Лес там дремучий. Как заберешься вглубь? Хумбаба же страшен, голос его

— ураган, уста — пламя, дыхание его несет гибель, удар его смертелен. Откажись от задуманного!»

Не послушался Гильгамеш своего друга:

«Кто из людей может равняться с богом солнца и жить вечно? Годы жизни — коротки они, а дела человека — ветер. Пройдет, и нет ничего. Если паду я в бою, останется в памяти имя мое, будут говорить люди: «Погиб Гильгамеш от Хумбабы!»

— И Гильгамеш один пошел против чудовища? — не удержался от вопроса Наби-Син.

— Ты опять торопишься, Набия! Не оставил Энкиду своего друга, вместе пошли они искать кедровую рощу. Много дней шли герои и наконец достигли высокой горы, жилища Хумбабы.

Остановились они у входа в лес, смотрят вглубь и видят: огромные кедры высоко поднимают вершины, тропы лесные проложены в чаще, и бродит по ним Хумбаба мерными шагами. Перед горою стоят высокие деревья, тень под ними манит прохладой, и растут кругом кустарники и травы. Далеко простирается лес, и высока над ним гора Хумбабы.

Встретились герои с Хумбабой, и начался между ними жестокий, смертельный бой. Одолели друзья страшное чудовище, и вот уже мертвый Хумбаба лежал у их ног. Окончилось сражение, отдохнули друзья. Гильгамеш омыл свое оружие, расчесал кудри, надел чистые одежды. И увидела богиня Иштар прекрасного героя и полюбила его своим сердцем.

«Идем со мной, Гильгамеш. Ты будешь жить у меня во дворце, и я отдам тебе все мои сокровища. Не будет человека богаче тебя!»

— И Гильгамеш ушел с ней? Позабыл Энкиду?

— Нет, Набия. Злой и коварной была богиня Иштар. Была у нее любимая птица — она сломала ей крылья. Каждый день носил ей пастух-козопас вкусные хлебцы, резал для нее маленьких козлят — превратила его богиня в волка, и свои же подпаски его гоняют, свои же собаки кусают. Каждый день носил ей Ишуллани-садовник грозди фиников, украшал цветами ее стол. Рассердилась на него Иштар, ударила его и в паука превратила. Поселила его среди паутины — к потолку не подняться, не спуститься на пол. Гильгамеш не покинул друга, не захотел уйти из Урука и отверг любовь коварной богини.

Вспыхнула гневом оскорбленная Иштар и поднялась на небо к своему отцу, богу Ану. Пожаловалась она на Гильгамеша и потребовала, чтобы Ану наказал его.

Тогда Ану создал быка с огненным дыханием и кинул его на землю, упал бык в Урук, и погибло много людей от его пламени. Никто не мог одолеть быка. Тогда Гильгамёш и Энкиду решили

освободить свой город от страшного зверя. Вскочил Энкиду быку на спину, схватил его сильной рукой за один рог. Разъярился бык, стал он бить Энкиду своим хвостом. Изловчился Энкиду и поймал хвост быка, крепко зажал его второй рукой. А Гильгамёш, воин могучий, бесстрашно подошел к быку и вонзил в него нож. Глубоко вошел нож меж рогов, и мертвым упало чудовище. Освободили друзья от ужаса людей Урука.

Озлилась богиня Иштар, не удалась ее месть, унизил ее Гильгамеш. Энкиду стал насмехаться над богиней:

«Если бы я мог достать тебя, то и с тобой поступил так же, как с быком», — и кинул в нее рога быка.

Рассердилась Иштар на Энкиду, захотела она отомстить за смерть быка, за насмешки, и послала она страшную болезнь Энкиду и обрекла его на гибель. Ослабел Энкиду, лежит на постели, и снятся ему тревожные сны.

Лишь только заря занялась на небе, проснулся Энкиду и сказал Гильгамешу:

«Смерть покорила меня. Никогда я не сяду рядом с тобой».

Шесть дней и шесть ночей сидел Гильгамеш над Энкиду:

«Энкиду, друг мой, брат мой! Пантера пустыни! Вместе с тобой мы победили Хумбабу, убили быка. А теперь ты лежишь неподвижно. Что за сон овладел тобою? Потемнело твое лицо, и не слышишь ты моих речей!»

Тронул Гильгамеш сердце Энкиду, а оно не бьется, глаза не открываются. Закрыл покрывалом Гильгамеш тело друга и горько заплакал. Недвижим мертвый Энкиду, никогда не встанет он, не пойдет с Гильгамешем совершать подвиги.

— И все, конец сказке? — взволнованно спросил Наби-Син.

— Нет, Набия, еще не конец. Захотел Гильгамеш узнать у богов тайну жизни и смерти и осчастливить людей, сделать так, чтобы никто больше не умирал. Пошел Гильгамеш по свету до самого края земли, не побоялся он пройти сквозь гору мрака, наполненную чудовищами, пересек страшное море мертвых и достиг, наконец, острова богов.

— И они открыли Гильгамешу секрет жизни?

— Нет, Набия. Боги сделали человека смертным, а вечную жизнь оставили для себя. Но узнал Гильгамеш тайну богов: глубоко на дне морском растет волшебная трава. Не дает она вечной жизни, но тот, кто ее ест, становится молодым.

И пошел Гильгамеш искать чудесную траву. Пришел он на берег моря, привязал к ногам тяжелые камни и опустился на дно морское. Растет там трава с колючими шипами, как терновник. Все руки поранил Гильгамеш, срывая траву. А потом он отвязал камни и поднялся вверх. Радостно пустился он в обратный путь,

спрятав волшебный кустик. Не попробовал его Гильгамеш, бережно нес он подарок в Урук — хотел осчастливить всех людей. Долго шел он по пустыне, раскаленной солнцем. Зной палил, жажда томила. Увидал Гильгамеш водоем и решил искупаться в нем. Осторожно положил Гильгамеш волшебную траву и погрузился в прохладную воду.

Но змея выползла из норы и утащила чудесный корень. С тех пор змеи меняют кожу и молодеют.

— А что же сделал Гильгамеш?

— А Гильгамеш зарыдал, увидев, что напрасны его труды. С пустыми руками пошел он домой.

И вот уже виден Урук, его высокие стены и город прекрасный. И вспомнил Гильгамеш, что сделал он для родного города: возвел стены, построил храмы, разбил сады. Много добрых дел и мужественных подвигов совершили Гильгамеш и Энкиду для счастья людей. И тогда понял Гильгамеш, что память о людях живет в том добре, которое они творят.

Смертен человек, но вечно живут его добрые дела, — так закончил Рибамили сказание о Гильгамеше.

Наби-Син горящими глазами смотрел на старого рулевого.

Прошло еще несколько дней. Наконец вдали, на холме, показался большой город.

Наби-Син опять подбежал к Рибамили.:

— Это Мари?

— Мари, сынок, Мари, — ответил рулевой. — Скоро сойдем на берег. Увидишь, какие там храмы, какой большой дворец.

— Неужели лучше, чем у нас в Бабили? — удивился Наби-Син.

— Не то что лучше, но тоже хорош.

— Отец, смотри, Мари! — радостно сказал Наби-Син подошедшему к ним отцу.

— Да, Набия, это Мари. Слава Мардуку, окончен наш долгий путь.

— Отец, кто правит Мари? Царь? Как его зовут?

— Зимрилим.

— Он такой же сильный, как Хаммурапи? И все его боятся?

— Ну нет, — улыбнулся отец. — Хаммурапи — самый могущественный царь на земле. Недаром его называют «царем четырех стран света». Он покорил все города на юге и на востоке, разбил Римсина и прогнал его из Ларсы, заставил царя Ассирии платить дань.

— Я знаю, — сказал Наби-Син, — мы в школе читали:

Хаммурапи царь, могучий воитель,
Сокрушитель своих врагов.

— Это верно, Набия! Ты хорошо помнишь то, что учил в школе, — похвалил сына Белидинам. — А было время, когда вавилонские цари платили дань Римсину. Но Хаммурапи одолел его. Кто почитает богов Мардука и Шамаша, тому они во всем помогают.

— И Зимрилим платит дань Вавилону?

— Нет, Зимрилим сам себе хозяин!

— А если Хаммурапи будет воевать с Зимрилимом, кто победит? Хаммурапи?

— Ну, этого никто не знает, — усмехнулся отец. — Только жрецы-прорицатели, которые гадают на печени овцы, могут предсказать будущее.

— Гадают на печени? — удивился Наби-Син. — Как это?

— Я не знаю, Набия! Я же не жрец. Довольно говорить об этом. Пока еще никто не воюет. Смотри лучше на берег, мы подъезжаем к городу.

Предвидя конец пути, гребцы налегали на весла, рабы напряженно тянули ладьи на бечевках. Суда шли быстрее, чем обычно. И вдруг за поворотом реки показался город, совсем уже близко. Вскоре они прошли мимо окраины с маленькими глиняными домиками, хорошо были видны узкие, кривые улицы, пыльные, грязные, с кучами мусора около домов.

«Совсем, как у нас в Бабили в бедных кварталах», — подумал Наби-Син.

Вот и пристань. Она была значительно больше той, где проверяли документы, и очень много судов стояло у причалов. Тут и узкие, длинные ладьи из тростника, и плоские калакку, и круглые гуфы, обшитые кожей, и деревянные плоты. Одни стояли готовые к отправке, полные груза, другие пришли с севера й с юга, и грузчики выносили из судов привезенные товары. На берегу лежали мешки, тюки, сосуды с вином и маслом. Стоял такой шум и гомон, что с трудом можно было разговаривать. Купцы, грузчики, рабы, чиновники суетились, бегали с места на место. У Наби-Сина зарябило в глазах.

Наконец к причалам подошли ладьи, на которых прибыли Белидинам и Наратум. Гребцы легко соскочили на берег и крепко привязали суда к столбам. Положили сходни. Первыми сошли на берег Белидинам и Наби-Син. За ними вереницей потянулись рабы, вынося на плечах тюки с шерстью, мешки с зерном и финиками, кувшины с сезамным маслом. На берегу выросла целая гора мешков. Наконец разгрузка окончилась. Последним вышел Наратум. Он проверил, все ли мешки вынесли на берег, не утащили ли рабы какой-нибудь тюк.

— Слава Мардуку, все благополучно! — сказал он, подходя к Белидинаму.

— Теперь только остается найти хороший амбар для товаров

и выгодно их распродать, — ответил тот.

ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ

Город спит. Уже давно наступила ночь. Тишина. Даже ремесленники, которые работают позже всех в Бабили, легли спать. Спят и во дворце царя Хаммурапи. Одни стражники, охраняющие покой царя, стоят на часах.

И только в покоях, где живет со своей свитой посол царя Зимрилима, горит свет — не спится Ярим-Адду. Недавно приехал Ярим-Адду в Бабили к Хаммурапи с поручением от своего господина Зимрилима. Ласково принял царь посла Ярим-Адду, поселил его в своем дворце, посылает ему обед из царской кухни, а все-таки не верит Ярим-Адду вавилонскому дарю.

На днях был большой прием во дворце — в Бабили прибыли послы из города Алеппо. Хаммурапи принял их с большим почетом. По царскому приказу, им выдали парадные одежды придворных — плащи, затканные пестрым узором и расшитые золотой нитью. Слуги сами одевали людей, они искусно обернули ткань вокруг тела и, перебросив край через левое плечо, оставили открытым правое, пушистая бахрома шла по краю плаща. Торжественно вошли гости в тронный зал и уселись недалеко от владыки. А Ярим-Адду и его люди были одеты в обычные платья — широкие юбки со складками, и заняли последние места за столом. Не выдержал Ярим-Адду, подошел к Хаммурапи после приема и спросил его:

— Почему, господин, ты так плохо обошелся со слугами твоего брата Зимрилима? Почему ты не дал нам праздничных одежд? Разве Зимрилим не твой союзник? Разве он не посылал тебе своих воинов, когда ты воевал с Эшнуной, когда шел в поход на Ларсу? За что ты обидел нас?

Хаммурапи насмешливо улыбнулся:

— Я сам знаю, как должен поступать, а нарядные одежды я дарю кому хочу.

Оскорбил Хаммурапи посла своим ответом, обидно было предпочтение, которое царь оказал людям из Алеппо. Ярим-Адду не мог успокоиться, так.взволновало его это происшествие. Все

уже легли спать, а Ярим-Адду все ходил по комнате и обдумывал, как написать Зимрилиму, что царь обошелся с посольством из Мари, как с людьми, не стоящими внимания.

Вдруг в комнату кто-то вошел. Ярим-Адду вздрогнул от неожиданности, он не видел в темноте лица вошедшего.

— Не пугайся, это я, Нитени, твой слуга. — Нитени помолчал, потом сказал: — Я слышу, ты ходишь, не спишь. Вот я и пришел.

— Зачем пришел? Что тебе надо?

— Есть важные известия. — Нитени опять умолк.

— Рассказывай! Здесь никого нет. Все спят.

— Сегодня утром прибыл гонец из Алеппо, привез письмо от своего царя. Хаммурапи сразу принял гонца, да не в приемном зале, а в своих покоях. При них никого не было, только один Авиль-Нинурта. Он прочел письмо царю.

— А что было в письме?

— Царь Алеппо посылает в Бабили свое войско, он будет помогать Хаммурапи, когда начнется война. Хаммурапи очень обрадовался, сказал: «Это очень хорошо».

— С кем будет война?

— Об этом ничего нет в письме. Там сказано только, что царь Алеппо и царь Бабили связали бахрому своих плащей — они заключили союз.

— Так ли это? Кто тебе сказал?

— Ты хорошо знаешь, мой господин, что я всегда тебе говорю только правду. Сейчас ко мне приходил раб Шу-Амурру. Он стоял около царя с опахалом и слышал весь разговор. Когда ты даешь мне деньги, мой господин, я делюсь с Шу-Амурру.

— Это все?

—- Да, мой господин!

— Иди. Завтра получишь свое.

Ярим-Адду не зря делает щедрые подарки слуге, который прислуживает ему во дворце. Не в первый раз сообщает ом ценные сведения.

Слуга ушел. Ярим-Адду снова стал ходить из угла в угол. Теперь все ясно. Хаммурапи заключает союз с царем Алеппо, поэтому он так отличает его слуг. И это военный союз, недаром из Алеппо посылают войско. Но с кем собирается царь воевать? С Римсином в Ларсе покончено, весь юг захватил Хаммурапи, в прошлом году завоевал Ассирию... Кто же теперь?

— Только Мари, только Зимрилим,—вслух произнес Ярим-Адду.— Надо предупредить об этом господина.

На рассвете Ярим-Адду разбудил Манума и продиктовал ему письмо:

— «Моему господину Зимрилиму скажи: так говорит Ярим-Адду. Воины из Алеппо посланы в Бабили. Хаммурапи этим доволен. Он сказал: «Хорошо это, что брат мой посла л мне войско». Хаммурапи с царем Алеппо связали бахрому своих плащей. Они заключили союз, а ты об этом ничего не знаешь».

— Зачем ты пишешь об этом царю? Пусть Хаммурапи заключает союз с кем хочет.

— Как? — возмутился Ярим-Адду. — Разве ты не знаешь, что царь Алеппо враг Зимрилима? А как Хаммурапи принял послов Алеппо? Нас же, людей Зимрилима, обидел, не дал нам праздничных одежд, не позвал к царскому столу. Все это неспроста.

— Чего же нам бояться? — не сдавался Манум. — Ведь Зимрилим тоже в союзе с Вавилоном.

— Ты что же, забыл, как мы перехватили письма Хаммурапи и Римсина и узнали, что они заключили союз и обещали помогать друг другу, если на них кто-нибудь нападет. Где теперь Римсин? Не помог ему союз, когда Хаммурапи сам напал на Ларсу, прогнал Римсина и захватил его земли. Ассирией он завладел в прошлом году. Теперь наша очередь. По всему видно, что Хаммурапи готовит поход на Мари, и мы должны предупредить об этом нашего господина. Понял теперь, зачем я написал это письмо?

— Да, господин мой, — вздохнул Манум. — Ты прав!

— А теперь сделай глиняный конверт — оберни тонким слоем глины табличку с письмом. Его надо немедленно отослать Зимрилиму.

— С кем пошлешь?

— Подумаю. Нужен верный человек и осторожный. Никто не должен знать во дворце, что я посылаю донесение Зимрилиму...— Ярим-Адду прошелся по комнате.

— Пошли меня!

— Тебя? Ты слишком горяч. Но среди моих слуг нет ни одного, кому я могу доверять так, как тебе! — размышлял вслух Ярим-Адду.

— Пошли меня! — повторил Манум и умоляюще посмотрел на своего начальника. — Я буду осторожен и в целости доставлю письмо.

— Ну что ж, попробую послать тебя. Ни с кем не спорь, не принимай участия в драке, помни, что у тебя важное поручение, береги глиняный конверт!

В комнату вошел Нитени, принес завтрак.

— Нитени, — обратился к нему Ярим-Адду, — вот тебе серебро, купи двух ослов, навьючь их мешками с шерстью и

провизией. Пусть надежный человек стоит с ними за базаром, около улицы кузнецов. Туда придет Манум и заберет ослов. Да чтоб никто не знал об этом.

— Слушаюсь, мой господин! — Нитени ушел.

Манум, гордый доверием Ярим-Адду, быстро собрался: через час он покинул дворец. Глиняный конверт с письмом был крепко зашит в пояс.

Манум, избегая людей, повернул в боковую улицу и оттуда переулками вышел в ту часть города, где жила беднота. В этот ранний час обитатели этих кварталов уже давно встали. Маленькие глиняные лачуги теснились в узких, кривых улицах; через открытые проемы дверей видны были хозяева, сидевшие за работой. Тут же, у порога, женщины готовили еду в глиняных печках. Чад от прогорклого масла и дым от очага, который топили навозом, густым туманом поднимались вверх; здесь не видно было ни голубого неба, ни яркого солнца. Тошнотворный запах от несвежих продуктов, острых приправ и гниющих у домов отбросов был так ужасен, что Манум иногда зажимал нос. Он привык к чистому воздуху дворца, и временами ему казалось, что он задыхается. Голые малыши вертелись около матерей, шумели, плакали, дрались и играли. Старшие дети уже сидели за работой.

Наконец Манум прошел через базар и в условленном месте встретил раба с двумя ослами. Манум навьючил на них мешки, сел на одного из них, второго привязал сзади и отправился в путь. Второго осла Ярим-Адду велел взять, для того чтобы Манума принимали за купца. О том, что он едет в Мари как гонец, никто не должен знать.

Хотя солнце уже поднялось высоко, у ворот еще толпился народ; стражники медленно пропускали выходящих из города. Манум выехал из бокового переулка и остановился на дороге, дожидаясь своей очереди. Его беспокоило, удастся ли ему выйти за ворота? Правда, у него два осла и мешки с товаром, но с ним нет ни раба, ни спутника. Это может показаться подозрительным. Ярим-Адду побоялся отправить с Манумом кого-нибудь из своей свиты, и Манум вынужден был идти один. Он с беспокойством посматривал на ворота и медленно подвигался к ним вслед за толпой. Случайно повернув голову в сторону, Манум увидел мальчика, одиноко сидящего на камне у дороги. У мальчика были такие печальные глаза, он с такой мольбой посмотрел на Манума, что тот невольно подошел к нему:

— Ты кто? Что ты делаешь тут, у ворот?

Залилум вскочил и сказал первое, что пришло в голову:

— Я отстал от хозяина. Он ушел вперед, а меня одного не пускают... — Залилум умолк.

«Что, если попросить купца взять меня с собой? Тогда можно будет выйти с ним за ворота», — подумал Залилум и внимательно посмогрсл на Манума.

Приветливый юноша ласково глядел на него.

— Господин, возьми меня с собой, я пойду как твой раб. А там я догоню своего хозяина...

— Куда пошел хозяин?

— В горы... — Залилум сказал первое, что ему пришло в голову.

Манум с сомнением покачал головой:

— Ты что-то не то говоришь. Ведь мы на дороге в Мари, она идет на север, а в горы надо идти на восток. Да и как могло случиться, что хозяин ушел вперед и потерял тебя?

Залилум молчал. Он боялся рассказать правду и ничего не мог придумать, чтобы объяснить, что с ним произошло.

Юноша стоял в раздумье. Безусловно, мальчишка беглый раб. Вероятно, он нарочно отстал от хозяина. Не стоит с ним связываться. Но жаль его. Если хозяин найдет его, то изобьет до смерти.

«Может быть, взять его с собой?» — подумал Манум.

— Хорошо, пойдешь со мной, — сказал он вслух.

У Залилума отлегло от сердца. Он доверчиво улыбнулся Маиуму:

— Я все буду делать для тебя, мой господин!

— Как тебя зовут?

— Залилум, — весело ответил мальчик.

— Залилум так Залилум, — похлопал его по плечу Манум.

Наконец Манум вместе с неожиданно приобретенным рабе м подошел к воротам.

Дождался хозяина! — сказал стражник.

Затем он пощупал мешки с шерстью, навьюченные на осла.

— Купец? — спросил он Манума. — Шерсть везешь?

— Да, — ответил юноша и незаметно положил в руку стражника небольшой слиток серебра.

Стражник еще раз посмотрел на Манума и сказал:

— Проходите!..

Юноша и мальчик вышли из города.

— Ты знаешь, Белисуну,— обратился стражник к другому,— эти двое, купец и раб, кажутся мне подозрительными... Лицо купца мне как будто знакомо. Только я не помню, где его видел?

Но тут к воротам подошел высокий купец в пестром плаще с длинной бахромой, за ним следовал целый караван осликов, нагруженных мешками и корзинами. Рабы в длинных набедренных повязках размахивали палками и громко кричали,

подгоняя упрямых животных.

Белисуну проверял документы купца, второй стражник считал ослов и поклажу, и оба забыли о только что вышедших из ворот подозрительных путниках. Наконец шумный караван прошел в город. Толпа, скопившаяся у ворот, постепенно редела. Становилось жарко.

Неожиданно к стражникам, запыхавшись, подошел человек, по виду ремесленник или слуга. У него был растерянный вид. Он озирался по сторонам и, казалось, кого-то искал.

— Не проходил тут молодой купец с двумя ослами?— спросил он у стражников.

— Кто ты такой? Зачем я буду отвечать тебе на глупые вопросы? Здесь много купцов прошло, и молодых и старых, с ослами и без ослов.

Человек показал кольцо с царской печатью, и стражники поняли: он из дворца.

— Трудно запомнить всех, кто проходил, — вежливо ответил Белисуну.

Царская печать сразу заставила его переменить тон.

— Это не простой купец. Он из посольства, из Мари. Я следил за ним от самого дворца. А на базаре, когда ему передали двух ослов, я потерял его.

— Ты говоришь — из Мари? — переспросил стражник и потер рукой лоб, силясь что-то вспомнить.

— Белисуну! Это тот купец с мальчишкой, что утром проходили здесь. Они еще показались нам подозрительными. Не он ли проходил в Бабили вместе с послом из Мари?

— Верно. Теперь и я припоминаю его. Это он обругал меня за то, что я не хотел его пропустить, и еще замахнулся ножом... Только он тогда был иначе одет: в круглой шапке и плаще из узорной ткани. Значит, он под видом купца потихоньку вышел из города...

— Да, это он! — ответил гонец из дворца.

С этими словами он отошел от ворот и почти бегом направился во дворец.

Стражники остались у ворот. Белисуну вынул из-за пояса мешочек, куда положил серебро, полученное от Манума, подержал его на ладони, как бы проверяя его вес, затем сунул обратно. Как могло случиться, что он не узнал юношу и выпустил его из города? Да и раб у него, наверное, чужой, беглый...

* * *

Манум и Залилум были уже далеко от города. Становилось жарко. Дорога опустела, но Манум очень торопился. Скорее надо добраться до Мари. Поэтому он не делал привала и шел,

несмотря на палящий зной. Залилум был рад, что его хозяин торопится. Чем дальше от Бабили, тем ближе свобода.

Поздно вечером, когда наступила полная тьма и уже нельзя было идти дальше, они подошли к постоялому двору и остановились на ночлег. Ночь прошла быстро, и на рассвете Манум с новым слугой опять вышли на дорогу.

У Залилума было легко на душе. Казалось, все ему улыбается — и восходящее солнце, и пожелтевшая, выгорающая степь, и встречные путники, которых он больше не боялся, чувствуя себя под защитой хозяина.

Манум и Залилум сделали большой переход за этот день; частью они шли пешком, частью ехали верхом на осликах. Они проходили мимо селений, один раз миновали город. Но Манум не рискнул туда зайти. Он боялся, что кто-нибудь заподозрит в Залилуме беглого раба. Поэтому Манум во время одного из привалов остриг Залилума. После этого Залилум почувствовал себя свободным. Он смотрел на юношу как на своего спасителя и был бесконечно предан ему. Да и сам Манум привязался к услужливому мальчику.

Но радость Залилума была неполной. Чем дальше уходили они от Бабили, тем чаще вспоминал Залилум родной дом, мать, брата с сестрой. Как они там живут, бедные? Ему нельзя возвращаться в свое селение, и он никогда не увидит их.

— Никогда! — тихо шептал Залилум, и глаза его наполнялись слезами.

— Ты почему грустишь? — спрашивал его Манум. — Боишься?

— Я никого не боюсь, господин, когда ты со мной, — отвечал Залилум и сдерживал подступавшие рыдания.

Не раз думал Залилум и о Наби-Сине. Где-то он теперь? Может быть, уже в Мари? А вдруг они встретятся там? Что будет делать Набия? И Зал ил уму опять становилось грустно. Нет, лучше забыть обо всем, что было. Никто не знает, что ждет его впереди.

Однажды они остались ночевать в городе, но ушли оттуда на рассвете, так как Манум знал, что до ближайшего постоялого двора очень далеко. Если они поздно выйдут, то не попадут туда засветло. Этот день был особенно душным и жарким. Но Манум и теперь не делал привалов. Он помнил, что надо поскорее доставить письмо. Вдруг после полудня разразилась гроза. Пришлось пережидать, пока не пройдет дождь. После грозы стало легче дышать, но потом опять духота и испарения сделали зной невыносимым. По мокрой дороге было трудно идти, ноги скользили, ослики спотыкались на каждом шагу. Залилум очень устал, но Манум не хотел делать привала, надеясь все же засветло дойти до какого-нибудь жилого места.

Стемнело. Наступила ночь. Наконец взошла луна. Призрачный, голубоватый свет разлился кругом, и ясно стали видны дорога, кусты на берегу канала, близкая роща, холмы. Вдруг из-за деревьев появились две фигуры. Это были двое мужчин. Один высокий, с бородой, другой поменьше. В руках у них были дубинки.

— Вот он! — сказал один из них, указывая на Манума.—-Наконец-то мы дождались — он один на пустой дороге!

И оба преградили Мануму путь.

Высокий ударил Манума дубинкой по голове и едва не свалил его на землю, но Манум удержался на ногах. Другой сильным ударом отбросил Залилума в сторону. Быстрым движением Манум выхватил кинжал из-за пояса и кинулся на нападавшего. При этом пояс у него развязался и упал на землю, но в пылу борьбы Манум не заметил этого. С криком: «Ах, разбойники!» — он несколько раз ударил высокого кинжалом, отбиваясь от его дубины. Тогда второй зашел сзади и всадил юноше нож в спину. Манум закачался и упал лицом на землю, обливаясь кровью. Оба нападающих наклонились над ним. Манум был неподвижен.

— Конец! Я выпустил из него дыхание жизни, — сказал один из них.

— Посмотрим, нет ли с ним письма, — ответил второй.

Они перевернули Манума на спину и стали обыскивать его. но нашли только мешочек с серебром. Потом они развязали мешки, но, кроме шерсти и провизии, в них ничего не было.

— Письма при нем нет, — сказал высокий, — наверное, он должен был передать донесение на словах.

— Теперь он уже не сделает этого. Мы выполнили приказ и можем возвращаться.

— А где же мальчишка?

— Сбежал, наверное.

— Видно, приблудный. Этот выехал из дворца один.

Они забрали мешок с шерстью и, сев на ослов, отправились в обратный путь, в Бабили.

От сильной боли Манум потерял сознание. Потом он пришел в себя, громко застонал и позвал Залилума.

— Я здесь, господин! — ответил мальчик, выходя из-за кустов.

— Где ты был? Мне плохо, я умираю.

— Нет, нет, господин, ты будешь жить! —- И Залилум, сев на землю, наклонился над юношей, истекавшим кровью. — Чем тебе помочь?

— Ты не поможешь мне, вся кровь из меня ушла. Все пропало. Они украли мой пояс.

— Нет, господин. Вот он! Когда ты вынул кинжал, пояс упал. Никто не видел этого. Я тихо подполз к нему и утащил. А потом я спрятался за кустом и крепко держал его. Ведь ты говорил, что пояс тебе дороже всего.

— Ты хорошо сделал, Залилум!—слабеющим голосом ответил Манум. — Там зашито письмо... в конверте. Иди в Мари... Отнеси его во дворец... царю. Оно очень важное. А про меня скажи... — Манум вздохнул и умолк.

— Что сказать, господин? Кому? Почему ты молчишь!! — с отчаянием закричал Залилум и потрогал руку Манума.

Она была холодна. Залилум дотронулся до лба юноши, приложил ладонь к губам — дыхания не было. Манум был мертв. Залилум упал на грудь Манума и громко зарыдал.

Убийцы были уже далеко. Они не слышали ни предсмертных слов Манума, ни плача Залилума. Они выполнили приказ и спокойно возвращались домой.

Когда человек, который следил за Ярим-Адду, доложил царскому секретарю Авиль-Нинурте, что писец Ярим-Адду, Манум, исчез, Авиль-Нинурта допросил слуг.

Тогда ему стало ясно, что Манум тайно уехал из Бабили.

«Он повез донесение Зимрилиму», — решил Авиль-Нинурта и отдал приказ догнать Манума и убить его. А если при нем найдут

письмо, то принести его Хаммурапи. Ярим-Адду ничего не должен знать об этом. Поэтому воины, посланные в погоню за Манумом, должны были напасть на него под видом разбойников.

Долго лежал Залилум на земле около мертвого юноши и не переставал плакать. Потом он встал, свернул пояс, поднял брошенный мешок с провизией и пошел по дороге.

«Манум велел отнести письмо во дворец. Я должен это сделать вместо него. Манум велел», — твердил Залилум про себя, и это придавало ему сил идти вперед.

Через несколько дней рано утром Залилум пришел в Мари. Он вошел через боковые ворота и попал на базар. Но как пройти во дворец? Залилум боялся спросить об этом прохожих. И он бродил по городу, пересекал одну улицу за другой, пока не вышел наконец на главную дорогу, которая вела прямо ко дворцу.

Вскоре Залилум стоял около ворот.

— Вот, — сказал он стражнику, протягивая пояс. — Здесь глиняный конверт. Манум сказал: «Очень важное письмо. Отдай царю».

— Что тебе нужно? Какой Манум? И почему пояс в крови?— удивился стражник. — Погоди, я вызову начальника охраны, он с тобой будет говорить. — И стражник, повернувшись спиной к Залилуму, позвал своего начальника.

Залилум испугался: «А что, если начальник захочет отдать его хозяину? И как объяснить, кто убил Манума?»

Залилум кинул пояс на землю и убежал. Когда стражник повернулся, чтобы пропустить Залилума в комнату охраны, его уже не было.

ЗАБЛУДИЛСЯ

тром того дня, когда Залилум отнес письмо во дворец, Наби-Син с отцом приехали в Мари.

Белидинам пошел на базар. Он хотел найти склад, где можно будет сложить товары.

Наратум остался на берегу около пристани.

— Я возьму с собой Рибамили. Когда найму склад, он вернется за вами. Вы меня не дожидайтесь, сразу переносите тюки на базар.

— А ты куда пойдешь? — спросил Наратум.

— Я по своим делам пойду, в город. А ты пока присмотри за Наби-Сином. Пусть без меня никуда не ходит!

— А где он, кстати? Набия! — позвал сына Белидинам.

Наби-Син бегал по берегу. Приятно было размяться после долгого плавания. Ему все еще казалось, что он плывет в ладье и земля колеблется у него под ногами. Услышав, что ею зовут, он подошел к отцу.

— Ты останешься здесь с Наратумом, — сказал Белидинам сыну. — И, пока я не вернусь за тобой, сиди на месте и не ходи никуда. Еще потеряешься в незнакомом городе. Ну, Рибамили, идем, — позвал он рулевого.

Они направились на базарную площадь, пустую в этот ранний утренний час.

По краям площади стояло длинное, узкое здание — это были глинобитные домики, плотно примыкавшие друг к другу, у каждого дома одна стена была общей с другим. Массивные столбы из кирпича-сырца поддерживали навесы из дерева или из натянутой ткани. Узкие проемы, завешенные циновками, служили дверьми. Здесь были лавки. В некоторых жили хозяева, многие одновременно служили и мастерскими, где делали обувь — сандалии, столы и скамейки, глиняную посулу. Торговля еще не началась, но во многих домиках уже встали. Прямо на площади, перед дверьми, разожгли огонь в очагах— больших глиняных казанах, — оттуда поднимался синий чад, который туманом

стоял над площадью, пахло прогорклым маслом.

Белидинам не в первый раз приезжал в Мари с товарами. Он разыскал знакомого хозяина лавки и быстро сторговался с ним. После этого Белидинам отправил Рибамили на пристань и велел передать Наратуму, что можно переносить в лавку привезенный товар. Сам же Белидинам пошел во дворец, ему нужно было разыскать Тарибу, военоначальника Хаммурапи, который все еще находился в Мари.

До дворца было недалеко. К нему вела широкая улица, которая кончалась у большого портала, где был единственный вход во дворец. У ворот Белидинама остановил дежурный стражник. Белидинам сказал, что он привез письмо вавилонскому послу от царя Хаммурапи, и показал стражнику глиняную табличку. Стражник вызвал начальника охраны. Тот внимательно посмотрел на табличку и велел пропустить Белидинама, указав ему дверь налево, которая вела в северо-восточную часть дворца, где помещались комнаты для послов. Дверь направо вела в покои царя. Белидинам не раз бывал во дворце Хаммурапи, но всегда, когда он приезжал в Мари, его поражал огромный дворец Зимрилима. Более двухсот комнат, расположенных вокруг открытых двориков, было во дворце.

Белидинам нашел Тарибу во дворе около посольских покоев. Тот только что встал и собирался завтракать. Увидев Белидинама, Тарибу обрадовался встрече с земляком.

— Ну, как дела в Бабили? Все в порядке? Не был у моей жены перед отъездом? Письмо привез?

Белидинам не успевал отвечать на вопросы.

— Постой, не все сразу! Расскажу по порядку. Накануне отъезда господин вызвал меня во дворец. Письма к тебе он не дал, но велел передать на словах, что не доволен тобой. Сколько времени живешь во дворце у Зимрилима, а до сих пор никаких сведений не собрал, донесений не посылаешь. Господин велел поторопить тебя.

— Приказать можно, а сделать трудно. Надо людей было найти, заплатить им хорошо, тогда сведения будут.

— Одно письмо Хаммурапи все же послал, — сказал Белидинам, вынимая табличку.

— Что это Хаммурапи шлет письма одно за другим? Вчера гонец привез Зимрилиму, сегодня ты.

— Это письмо не Зимрилиму, — ответил купец, — а Бахдилиму, управителю Зимрилима. Мне нельзя его видеть, а ты передай письмо сам, только чтоб никто об этом не знал. К твоей жене господин не велел заходить. Слишком много ушей и глаз кругом, никто не должен знать в Бабили, что я увижу тебя. — И

Белидинам положил табличку в руку Тарибу.

— Так, — ответил Тарибу, пристально вглядываясь в клинописные знаки глиняного письма. — «Бахдилиму скажи: так говорит Хаммурапи, — зашептал Тарибу про себя. — Войска тяжелые я послал Зимрилиму. Как ты знаешь, дорога длинная, прибудут они не скоро. Сведения о Зимрилиме, о войске его и о его намерениях посылай мне исправно». — Хорошо, отдам письмо, — сказал громко Тарибу. — Хаммурапи не терпится узнать, что делает Зимрилим: собирает ли войска, с кем заключает союз. Хаммурапи мало, что я тут сижу и собираю сведения, он теперь слуге Зимрилима, управителю дворца, пишет. Ну ладно, пусть тот сам отвечает. Ты когда едешь? — спросил он Белидинама.

— Думаю, дня через четыре-пять закончу дела и отправлюсь домой.

— Так, значит, к твоему отъезду приготовлю письмо. Пока нет новостей. Зимрилим не помышляет о войне с Вавилоном, но войско держит наготове. Кочевники с востока часто делают набеги, разоряют города. А о замыслах Хаммурапи Зимрилим не подозревает.

Белидинам встал:

— Я все сказал. Теперь пойду на базар.

— Где остановился? — спросил Тарибу.

— Хочу у тебя в посольском доме ночевать. Можно? Я с сыном.

— Хорошо. Пойду к Бахдилиму, попрошу его предупредить стражу, чтобы вас пропустили обоих. Тут же и письмо передам.

Белидинам попрощался и ушел.

Когда он пришел на базар, все мешки и кувшины были уже в складе. Наратум и Рибамили сидели у порога лавки, ожидая Белидинама, но вид у обоих был встревоженный и смущенный.

Наби-Син пропал. Рибамили обошел все улицы около пристани и не нашел мальчика. Теперь оба сидели расстроенные и не знали, что делать, где искать Наби-Сина, что сказать отцу.

Вот что произошло с Наби-Сином.

Когда отец ушел, Наби-Син некоторое время тихо сидел около Наратума. Потом он несколько раз обежал пристань, потолкался в толпе. Но это занятие ему быстро надоело.

С их ладьи раздавались громкие голоса. Рабы обедали, радуясь тому, что окончился длинный и тяжелый путь. Наби-Син подсел к ним и с удовольствием стал грызть высохшие за дорогу лепешки, запивая холодной водой.

После обеда рабы улеглись спать — им нужен был отдых после изнурительного труда. В пути им ни разу не пришлось

выспаться. Наби-Син опять пошел бродить по пристани, всматриваясь в каждого прохожего, не идет ли отец. Но нет, отца нигде не было видно. Что делать? Рибамили спит. Наратум что-то бормочет, разглядывая документы. Как скучно сидеть одному на берегу!

«А что, если немного пройтись по улицам, совсем недалеко? Со мной ничего не случится, я сразу же вернусь», — подумал мальчик.

Наби-Син направился по узкому переулку, дошел до конца и очутился на широкой улице, по обеим сторонам которой тянулись длинные беленые стены; за ними находились дома. Иногда из-за стены виднелся второй этаж дома из кирпича-сырца, изредка верхушки акаций или тамарисков. Наби-Син прошел вдоль улицы, потом свернул в переулок, чтобы выйти на пристань. Но когда он вышел из переулка, то оказалось, что он попал не туда, куда хотел. Он очутился на другой широкой улице, где стояло высокое здание с семиэтажной башней. Все этажи этой башни были окрашены в различные яркие цвета.

«И тут зиккурат! Башня в храме, совсем такая же, как в Бабили в храме Мардука», — подумал Наби-Син.

Он подошел поближе, заглянул в приоткрытую дверь и увидел большую залу; пол выложен кирпичом, около алтаря — цветы, в глубине, у стены, стоит огромная статуя богини. Оттуда доносилось слабое журчание. В руке у статуи — чаша, в которую медленно наливается вода.

Первым движением Наби-Сина было войти внутрь храма. Но потом он испугался. А вдруг его прогонят, а может быть, сюда и входить нельзя. Тут он вспомнил, что ему надо идти на пристань, что, наверное, отец уже вернулся и сердится на него. Наби-Син пошел дальше. Он проходил по большим улицам, сворачивал в переулки, несколько раз попадал в тупики и возвращался обратно. А реки все не было видно, и в каком направлении искать пристань, он не знал. Наби-Син уже совсем отчаялся. Солнце жгло, хотелось пить, ноги устали от долгой ходьбы. Но больше всего его беспокоила мысль об отце. Что он делает? Сердится?

И Наби-Син все шел и шел, несмотря на усталость. Улицы были почти пустые, не видно прохожих в это знойное время дня, не у кого спросить, как найти пристань. Кроме того, Наби-Син стеснялся подходить к незнакомым людям. Вдруг он увидел старика.

— Как пройти на пристань? — робко спросил Наби-Син.

Тот внимательно посмотрел на мальчика и что-то ответил.

Наби-Син не понял. Странно, слова как будто знакомые, но как-то старик их по-другому произносит, ничего нельзя понять.

Старик улыбнулся и повторил фразу, медленно и четко произнося каждое слово. При этом он рукой указывал, куда надо идти. Наби-Син догадался: надо идти в обратную сторону. Он радостно закивал головой и побежал. Но каково же было его разочарование, когда, выйдя из переулка, он опять очутился на длинной, мощеной улице против небольшого храма. Перед входом — широкие ступени, у дверей — бронзовые львы со страшными, оскаленными мордами — они охраняли вход в святилище. Наби-Син прошел мимо. Вдруг он увидел приоткрывшуюся калитку в заборе около храма. Оттуда доносилось мерное гудение, так хорошо знакомое Наби-Сину,— точно так читал он с товарищами таблички на уроках. «Это школа», — подумал Наби-Син и вошел во двор. Через открытую дверь он увидел большую комнату, ряды длинных глиняных скамеек, маленькие чаны с водой и детей, мерно раскачивающихся в такт чтению. «Совсем как у нас!»

Но что это? Наби-Син увидел, что на скамейках сидели девочки и читали тексты, написанные на глиняных табличках.

«Это школа для девочек? А у нас девочек не учат. Надо будет рассказать об этом у себя в школе!»

Но тут Наби-Син вспомнил, что он потерялся, что, может быть, он никогда не увидит отца, не вернется в школу. Его схватила такая тоска, он почувствовал себя таким маленьким и одиноким посреди большого чужого города, что у него уже не было сил двигаться дальше. Наби-Син вышел на улицу, присел на камень, стоящий у дороги, еле сдерживая слезы. Вдруг Наби-Син увидел бегущего мальчика. Что-то знакомое показалось ему в его фигуре.

— Залилум?! — Наби-Син не поверил своим глазам, когда мальчик поравнялся с ним. — Откуда ты? Как ты попал в Мари?

Залилум растерялся и в первую минуту хотел бежать.

«Но что мне сделает Набия в чужом городе?» — подумал он и остановился.

— Я убежал от вас.

— Убежал?! Как это?

— Да, ушел и не вернулся домой. И теперь я не раб больше.

— Как ты смеешь так говорить? Вот погоди, поймают тебя, повезут в Бабили и там отрежут тебе ухо за то, что ты убежал и называешь себя свободным.

— Уж не ты ли схватишь меня? — насмешливо спросил Залилум, но в душе он испугался: вдруг правда Набия расскажет отцу, что встретил Залилума, и его разыщут. Тогда прощай свобода!

— Я поймаю тебя? — переспросил Набия-Син.

— Да, ты! А еще говорил, что ты мой друг! Эх!.. — Залилум отвернулся.

Наби-Син покраснел, ему стало стыдно. Как скоро он забыл предание о дружбе Гильгамеша и Энкиду, слова, которые он сказал Рибамили, и обещание всегда быть верным другом.

— Залилум! Я никогда не скажу, что встретил тебя. Ты мой друг, и я не предам тебя! — И Наби-Син внимательно посмотрел на Залилума, как будто увидел его в первый раз, и подумал: «Залилум не хочет быть рабом, он такой же человек, как я!»

— А что ты делаешь здесь, на улице? Почему стоишь один?

У Наби-Сина задрожали губы, он опять вспомнил о том, что потерялся и не может найти отца.

— Я заблудился. Отец ждет меня на базаре, а я не знаю, как туда пройти.

— Я был там. Идем, я покажу тебе дорогу, я знаю, как туда надо идти.

— Пошли, — весело улыбнулся Набия своему другу.

Они быстро побежали вдоль по улице, несколько раз поворачивали в переулки и вышли на базарную площадь. Шум, еще больший, чем на пристани, оглушил Наби-Сина. Торговцы громко расхваливали свои товары и зазывали покупателей. Женщины, мужчины, стоя около палаток, торговались с продавцами. У ларьков со сластями толпились дети, на земле лежали горы фруктов и овощей. Тут же, на земле, купец раскидал пестрые, узорные ткани, рядом стояли разноцветные, причудливой формы кувшины и горшки. Раскрашенные циновки, скамейки, корзины, душистое масло, золотые украшения— все можно было купить на этом базаре.

— Вот и базар! — сказал Залилум. — Тут ищи отца. А я пойду.

— Постой! Куда пойдешь? С кем ты здесь?

— Я не знаю, Набия! Я тут совсем один. По дороге к Мари я встретил одного человека. Мы шли вместе. Ночью на нас напали разбойники, его убили.

— Как же ты будешь тут жить?

— Работу найду. Как-нибудь проживу. Домой мне нельзя возвращаться. Никогда больше не увижу матери...

Наби-Син с участием смотрел на товарища.

— Набия! — смущенно сказал Залилум. — Я очень хочу есть. Я давно уже не ел...

— Залилум, ты посиди здесь, обожди меня. Я найду своих и принесу тебе еду. Только никуда не уходи.

С этими словами Наби-Син пошел. Но сутолока на базаре, шум, масса людей — все это оглушило Наби-Сина. Как найти

здесь отца? На пристани он помнил место, где они остановились, но там, вероятно, уже никого нет, все давно на базаре. Растерянный, ошеломленный, он стоял на площади и испуганно озирался вокруг. Вдруг он увидел Рибамили. Боясь поверить своему счастью, Наби-Син побежал ему навстречу.

— Ах ты, негодный мальчишка! Где ты был? Как ты смел уйти, когда отец велел тебе ждать его? Погоди, попадет тебе!..— бранил его Рибамили, а сам крепко держал его за руку и гладил по голове, радуясь тому, что наконец разыскал беглеца.

Наби-Син испуганно прижался к Рибамили, боясь снова потеряться в шумной толпе. Но Рибамили уверенно шел вперед.

— Рибамили! Ты знаешь, кто меня вывел на дорогу и проводил до базара? Залилум! — сказал Наби-Син.

Ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своей тайной. «Рибамили не выдаст», — подумал мальчик.

— Залилум?! — Рибамили очень удивился. — Что ты говоришь, Набия? Как он мог попасть сюда?

— Правда, правда! Я встретил Залилума. Он убежал от пас и с одним человеком пришел в Мари, и теперь он свободный и

будет жить здесь.

— Как же это случилось? — не переставал изумляться старик.

— Только смотри никому не говори об этом, — продолжал Паби-Син. — Я обещал. Помнишь, ты мне рассказывал про Гильгамеша и Энкиду. Я хочу быть таким, как Гильгамеш, я никогда не предам своего товарища.

Рибамили ласково посмотрел на мальчика:

— Ты правильно поступаешь, Набия.

Наконец они подошли к лавке, у которой стоял Белидинам, нетерпеливо ожидавший Рибамили, тот уже в пятый раз пошел разыскивать Наби-Сина. Увидев обоих, купец побежал им навстречу. От радости, что сын нашелся, Белидинам не стал его бранить. Он молча взял его за руку, и они вошли в лавку.

Наби-Син хотел отнести Залилуму обещанную еду, но отец не отпускал его ни на шаг.

«Что делать? — беспокоился мальчик. — Залилум ждет. Он хочет есть. Он подумает, что я его обманул».

— Набия, почему ты не ешь? Разве ты не голоден? — спросил его Рибамили.

Наби-Син весело хлопнул в ладоши. Вот кто поможет, как он раньше не подумал о Рибамили! Он подошел к старику и тихо зашептал ему на ухо:

— Рибамили, там, на базаре, где ты меня нашел, за углом, сидит Залилум. Он голодный. Я обещал накормить его. Он ждет, а отец не отпускает меня. Пойди ты. Помоги ему.

— Не беспокойся, Набия! Я все сделаю и никому не скажу.

Наби-Син радостно кивнул головой, обнял Рибамили и сел ужинать. А Рибамили, собрав в узелок сушеную рыбу, лепешки и несколько головок чеснока, незаметно вышел из лавки. Он без труда отыскал Залилума на условленном месте. Залилум так долго ожидал Наби-Сина, что уже перестал надеяться на его возвращение.

— Залилум! — окликнул его Рибамили.

Мальчик вскочил и бросился в объятия старика.

— Тебя послал Набия? Он не забыл про меня.

— Садись! Ешь, — сказал Рибамили, развязывая узелок.

Голодный Залилум жадно набросился на еду.

— Где же ты будешь тут жить? — спросил Рибамили.

— Я не знаю. Тут никого у меня нет.

— Поедем с нами домой. Хозяин простит тебя...

— Нет, нет! Я не вернусь.

Рибамили задумался.

— Ну вот что. Слушай! Дойдешь до конца улицы, повернешь влево, там увидишь на углу дом. Он большой, в два этажа. Там больше нет таких. Ты войди туда и спроси Ишхи-Адду. Скажи, Рибамили меня прислал. Он тебе поможет.

Залилум посмотрел на Рибамили и обнял его. От радости у него не было слов, чтобы поблагодарить старика.

— Ну, прощай, — сказал Рибамили, — мне пора!

— Спасибо, — прошептал Залилум.

Старик и мальчик посмотрели друг на друга в последний раз и разошлись в разные стороны.

Когда Рибамили вернулся в лавку, Белидинам с Наби-Сином уже окончили ужинать и собирались идти ночевать во дворец к Тарибу. Стража была предупреждена об их приходе, и их беспрепятственно пропустили во дворец. Белидинам, как и утром, прошел налево во двор и очутился в комнате у Тарибу. Стены были завешаны расписными циновками, светильники освещали помещение мигающим светом, на столе было расставлено угощение.

На все это Наби-Син не обратил внимания. Он так был переполнен впечатлениями, что уже больше ни на что не глядел.

— Очень хочется спать, — шепнул он отцу.

В соседней комнате Наби-Сину приготовили постель, и он с удовольствием улегся. И вдруг он вспомнил о том, что его поразило утром.

— Отец! — позвал он Белидинама. — Ты знаешь, тут в школе учат девочек, не только одних мальчиков, как у нас!

— Знаю, — сказал отец. — Эти девочки потом будут в храме служить богине Иштар. Это будущие жрицы.

Но Наби-Син, кажется, уже не слыхал ответа отца. Он засыпал, и последней мыслью его было: «А где теперь Залилум?»

В ПОХОД НА МАРИ

Поздно вечером в покоях Зимрилима собрались его придворные. Господин приказал всем явиться: он хочет рассказать о письмах, полученных из Бабили, и держать совет со своими вельможами.

Все уже были в сборе: начальники военных отрядов занимали места у левой стены, напротив сидели правители царских канцелярий и знатные чиновники, ближе всех к трону расположились придворные; все ожидали Зимрилима. Наконец вошел визирь и сел около трона; следом за ним появился Зимрилим. Все встали и низким поклоном безмолвно приветствовали господина. Он быстро прошел через зал и сел на трон, сзади стали два раба с пестрыми опахалами и, медленно покачивая их, создавали искусственную прохладу. Неслышными шагами, тихо проскользнул в зал Бахдилим и скромно уселся в сторонке. Царь сделал знак рукой, и наступило полное молчание — ждали, что скажет Зимрилим.

— Я получил вчера письмо от брата моего возлюбленного Хаммурапи, господина Бабили, — начал он, держа в руке глиняную табличку. — «Так говорит Хаммурапи: войско, которое ты просишь, я тебе пошлю...»

— Значит, нам не страшны теперь набеги северной страны, — угодливо сказал Бахдилим.

Зимрилим строго посмотрел на него и продолжал, не обращая внимания на эти слова.

— И еще говорит брат наш Хаммурапи, что далека дорога от Бабили до Мари, долго будут идти воины по этому пути, и неизвестно, когда они достигнут нашей столицы. Это надо понимать так: Хаммурапи совсем не пошлет нам своих людей...— Зимрилим не договорил и вопросительно посмотрел на присутствующих.

Все молчали, и только Бахдилим опять сказал:

— Зачем великому господину Хаммурапи обманывать брата своего, владыку Мари? Мы же давно заключили союз с Бабили и...

— Разве ты не знаешь, что Хаммурапи разбивает таблички с договорами и забывает исполнять то, что обещает? — гневно прервал его Зимрилим. — Не один раз бывало, что Хаммурапи сегодня заключает союз, а завтра он нападает на того, кого вчера называл своим братом.

Бахдилим умолк.

— Но это еще не все, — продолжал Зимрилим. — Утром принесли другое письмо. Его послал наш человек из Бабили, Ярим-Адду. Он пишет: «Так говорит Ярим-Адду: в Бабили прибыли войска из Алеппо, и Хаммурапи с царем Алеппо связали бахрому своих плащей». Они заключили союз втайне от меня.

— Разве Хаммурапи не знает, что царь Алеппо — наш враг? — воскликнул визирь. — Зачем он сделал это?

— У Хаммурапи только одно на уме: он хочет покорить весь мир. «Царь четырех стран света»! Он завладел югом, усмирил восток и запад, теперь ему осталось одно — он готовит поход против нас, и тогда север будет в его руках.

— Соберем все силы и дадим отпор!

— Не позволим Хаммурапи владеть нами!

— Защитим нашу страну от врагов!

Эти грозные возгласы прервали речь Зимрилима.

— Кто принес письмо от Ярим-Адду? — спросил один из придворных. — Позови его, пусть расскажет, что видел он в вавилонском дворце.

— Этого я не могу сделать. Сегодня утром к воротам дворца подошел мальчик и подкинул пояс с зашитым письмом. Мальчик убежал.

— Но ведь не он привез письмо...

— Наверное, Ярим-Адду отправил ко мне гонца. Но он не доехал до Мари. Его убили в пути. Сегодня днем купцы привезли тело Манума, секретаря Ярим-Адду. Они нашли его на дороге, лежащего в луже крови. Никто не знает, как он погиб.

— Без приказа Хаммурапи его бы не тронули. Всем известно коварство вавилонского царя.

— Ничего хорошего от него ждать нельзя, — закончил Зимрилим свою речь. — Будем готовиться к войне.

После этого он отпустил всех присутствующих на совете, велев остаться только начальникам военных отрядов. Долго беседовал с ними Зимрилим, обсуждал военные планы, указывал, куда собрать главные силы, откуда ожидать нападения вавилонян.

Бахдилим хотел остаться на военном совете, но Зимрилим приказал ему уйти. Тогда Бахдилим пошел к себе, зажег светильник и сел писать письмо Хаммурапи:

«Царю великому, моему господину, да будешь ты жив и благополучен, говорит слуга твой Бахдилим: знай, что царь Зимрилим прлучил известие о том, что ты, господин, с царем Алеппо связали бахрому своих плащей. Царь Алеппо — враг Мари. Зимрилим сказал: теперь воины Алеппо будут теснить нас с севера, а Хаммурапи нападет с юга. Зимрилим собирает войско и готовит войну против брата своего Хаммурапи».

Уже давно наступила полночь, когда Бахдилим окончил писать свое донесение. Он задул светильник и вышел во двор. Было темно и тихо, все обитатели дворца спали в своих покоях, и только стражники у ворот стояли на своих постах.

Бахдилим остановился на несколько минут у порога, вглядываясь в темноту. Никого нет. Мягко ступая, неслышными шагами он пересек двор, вошел в посольские комнаты и, подойдя к спящему Тарибу, тихо тронул его за плечо.

— Кто там? — встревоженно спросил Тарибу.

— Тихо! Не зажигай огня. Это я, Бахдилим. Вот письмо. Отдай твоему купцу, пусть отвезет, да поскорее... — И, сунув в руку Тарибу глиняную табличку, Бахдилим так же неслышно удалился, как вошел.

Рано утром Тарибу разбудил Белидинама и передал ему табличку, принесенную ночью.

— Нужно отвезти письмо. Когда поедешь?

— Распродам товары, вернемся...

— Это долго, — прервал его Тарибу. — Письмо срочное. Оставь с товаром кого-нибудь, а сам отправляйся немедленно.

— Не могу сразу ехать. Пошли с гонцом.

— Нельзя. Гонца поймают, заберут письмо. А тебя не тронут: ты купец.

Белидинам поморщился:

— Наратум первый раз в Мари, не справится один.

— Нужно ехать, — настаивал Тарибу, — отдашь письмо в руки Хаммурапи. Благодарность владыки дороже барышей.

— Придется ехать, — согласился наконец Белидинам.

На прощанье Тарибу дал Белидинаму царское кольцо — оно будет служить ему пропуском во дворец.

К вечеру купец закончил все дела, дал указание Наратуму, как торговать, и оставил ему в помощь Рибамили. На другой день он на рассвете вместе с Наби-Сином отправился вниз по реке, в Бабили.

Через неделю к вечеру Белидинам вернулся домой. Уже подъезжая к Бабили, Белидинам увидел, что идет усиленная подготовка к войне. За стенами Бабили было собрано большое войско. Вокруг горели костры, воины собирались расположиться

на ночлег прямо под открытым небом; в шатрах отдыхали начальники отрядов.

Утром Белидинам отправился во дворец. Несмотря на ранний час, на улицах было много народа, чаще всего встречались военачальники, проходили отряды воинов, торопливо пробегали чиновники. Чем ближе подходил Белидинам ко дворцу, тем тревожнее было у него на душе. Из ворот то и дело выходили гонцы — они везли царские письма и приказы во все концы государства. У стен дворца расположилась лагерем целая армия, охрана у ворот была усилена. Ко дворцу подошла небольшая группа людей, впереди был толстый пожилой человек. Высокий шлем плотно сидел на его голове, ручка длинного ножа была украшена золотом и разноцветными камнями. Судя по всему, это был главный начальник войск. Стража почтительно расступилась перед ним, и он важно прошел во дворец. Свита последовала за ним.

Белидинам подошел к воротам.

Стражник резко спросил, кто он, и был готов уже грубо оттолкнуть Белидинама, но тот показал царское кольцо, и стражник пропустил его.

Белидинам прошел в канцелярию около царской приемной. Здесь было полно народу, и оттого, что все громко разговаривали, в комнате стоял невероятный шум. Чиновники то и дело пробегали через комнату. Хаммурапи находился рядом, в своей приемной. Он громко и сердито с кем-то разговаривал. И вдруг Белидинам совершенно отчетливо услыхал, как Хаммурапи гневным голосом закричал: «Так ты скажи ему, что если суда не прибудут вовремя в Бабили, то за это он ответит своей головой. И виноват будет не начальник судов, а строитель, который не выполнил приказа и не построил в срок суда!..»

И тотчас же из царской комнаты вышел Авиль-Нинурта.

— Уже вернулся? Так скоро? — удивился он, увидев Белидинама.

— Я привез письмо. От Бахдилима. Тарибу велел доставить его как можно скорее.

— Неси письмо... Или нет! Я отдам его сам. Царь гневен сегодня... — И с этими словами Авиль-Нинурта опять вошел в приемную.

Хаммурапи сидел у столика и диктовал Улли приказ о сборе ополчения. Увидев Авиль-Нинурту, царь с недоумением спросил:

— Зачем опять пришел?

— Бахдилим прислал донесение.

— Кто принес?

— Белидинам. Купец.

— Читай! — обратился царь к Улли, передавая ему табличку.

По мере того как Улли читал, лицо Хаммурапи багровело, и он начинал уже задыхаться от еле сдерживаемого гнева.

— «...Зимрилим собирает войско и готовит войну против своего брата Хаммурапи!..» — кончил читать Улли.

— А-а-а! — грозно закричал Хаммурапи. — У нас враг во дворце. Кто смел сообщить о союзе с Алеппо Зимрилиму? Немедленно найти его и наказать!..

— Ты забыл, мой господин, что у тебя во дворце живет Ярим-Адду, он отправил гонца в Мари... — почтительно сказал Улли, стараясь успокоить разгневанного царя.

— Кто выпустил его из города, этого гонца?! Я велел тебе следить за послом, а ты, Авиль-Нинурта, пренебрег моим приказом!

— Я уже докладывал тебе, мой господин, что гонца поймали и убили, но письма при нем не нашли.

— Значит, плохо искали, если Зимрилим получил его.

Хаммурапи встал и несколько раз прошелся по комнате.

Авиль-Нинурта и Улли почтительно стояли, ожидая дальнейших распоряжений.

— Вот что,— сказал Хаммурапи, немного успокоившись,— ты, Авиль-Нинурта, вели позвать ко мне главного начальника всех войск. Он здесь, во дворце. Надо готовиться к походу. Через час собери всех на военный совет. Ярим-Адду и всех его людей посади под стражу, в тюрьму. Да смотри, чтобы никто с ними не говорил. Следи, чтобы не было новых донесений Зимрилиму. А ты, Улли, садись. Надо сообщить в Алеппо. Пусть царь соберет своих людей и немедленно шлет их в Мари. Пора начинать.

— Значит, война? — спросил Авиль-Нинурта.

— Нельзя терять времени. Зимрилим обо всем предупрежден. Надо начинать, пока он не успел еще собрать силы, не нашел себе союзников. Через три дня наше войско должно выступить в поход на Мари.

ПИСЬМО

углу двора под навесом сидят сгорбленный старик и высокий, худой мальчик. В жилистой руке старика глиняная табличка, правой рукой он держит тонкую палочку— каламу — и пишет под диктовку мальчика. Рука старика дрожит, клинописные знаки неровными строчками ложатся на мокрую глину. Писец стар и немощен; он давно уже не работает, но мальчик упросил его написать письмо.

— «Наби-Сину скажи: так говорит Залилум. Вот уже год, как мы с хозяином ушли из Мари и живем в Сузах. Я хотел еще раз увидеть тебя, но к нам приходил Рибамили. Он сказал, что ты с отцом вернулся домой. Я остался у хозяина. Все знали его в Мари. Он делал из камня статуи богов и царей, их ставили в храмы и во дворец. Он умел вырезать на кости и по дереву красивые узоры. Хозяин обещал научить меня своему ремеслу.

А потом пришла беда. Сначала всех сыновей хозяина забрали в царское войско. Дома остались только хозяин с женой и я. В городе заперли все ворота, с юга пришли воины из Бабили, а у северных ворот стояло войско Алеппо. Был голод. Не было ни хлеба, ни муки, ни овощей. Всё съели. Ловили даже собак и ворон. А потом воины из Бабили заперли воду, стало совсем плохо. У богини в храме в чашу больше не наливалась вода. Все говорили: это богиня дает знак — все погибнут. Только мой хозяин смеялся. Он сам делал эту статую из камня и провел в нее трубку, чтобы жрецы могли незаметно наливать в чашу воду, как будто она течет сама. А когда не стало воды, нечего было наливать.

Потом воины Хаммурапи сделали подкоп и ночью ворвались в город. Они открыли северные ворота, и оттуда вошли воины Алеппо. На улицах была война. И вдруг ночью стало светло как днем. Воины захватили дворец и зажгли его, а потом был пожар во всем городе. Много людей погибло. Войско Зимрилима было разбито, одних убили, другие попали в плен, а сам царь убежал, и никто не знал, где он. Тогда, кто мог, все убежали из города. Мы

тоже успели уйти с хозяином. Жена его умерла по дороге. А мы вдвоем пришли в Элам, и вот теперь уже год живем в Сузах. Один купец пустил нас жить в сарай у него во дворе. Теперь он едет в Бабили и берет с собой раба, моего друга Шуа. Он обещал найти тебя и отдать тебе это письмо. И вот я пишу тебе. Люди сказали мне, что если кто-нибудь из Бабили поедет в чужую страну и найдет там раба-вавилонянина, а потом привезет его в Бабили, то этот раб станет свободным человеком.

Набия, мой хозяин очень старый и больной. Я здесь совсем один. А моя мать и мой дом далеко, я о них часто думаю.

Помнишь, Набия, ты говорил, что сделаешь меня своим помощником, когда вырастешь и станешь хозяином. Я всю жизнь буду верно служить тебе, помоги мне только вернуться домой.

К нам в Сузы часто приезжают вавилонские купцы. Очень прошу тебя, Набия, когда узнаешь, что кто-нибудь едет в Сузы, скажи ему, пусть он найдет меня, и я вернусь с ним в Бабили».

notes

Примечания

1

Д и л ь б а т — город в Вавилонии.

2

Г у р — мера сыпучих тел, около 252 литров. Гур состоит из 300 ка. Так в древности измерялось зерно.

З

С и к л ь — мера веса, 8,5 г.

4

Так называли в Вавилонии горы Тавра (в нынешней Турции), где добывали серебро.

5

М о ре З а к а т а — так называли вавилоняне Средиземное море.